PG3314
.Z 8
K36
1910z

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

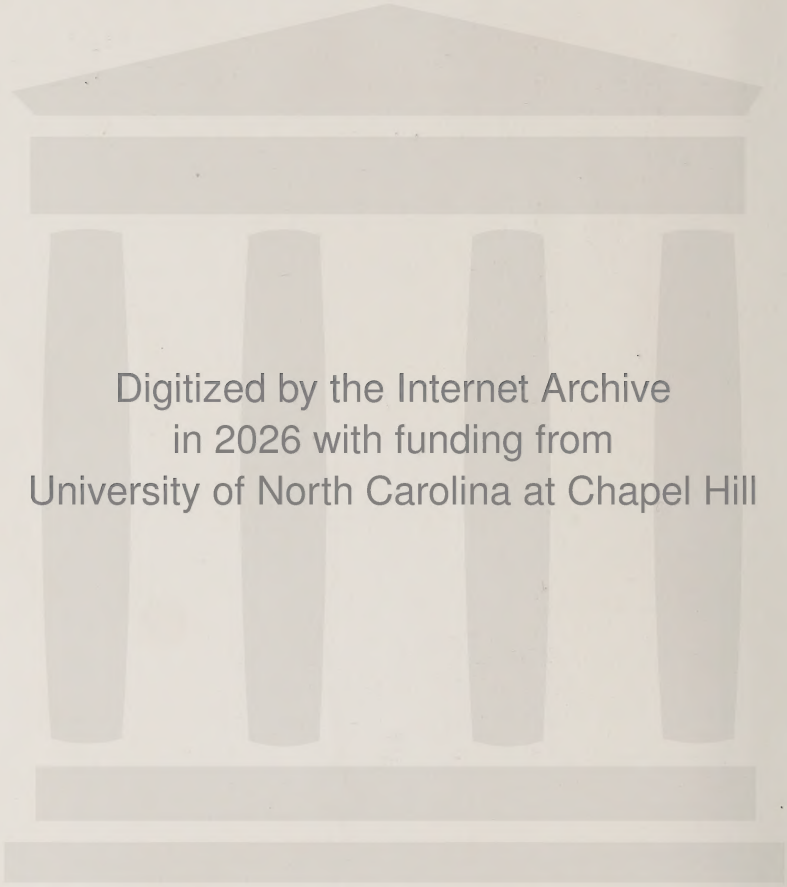
PG3314
.Z 8
K36
1910z

00006094674

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUN 24 1997			

Form No. 513.
Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/karamzinzhiznitv00unse

илуко-Прилуцкій

31.29.

ИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

III

Библіотека
Почтъ и Телеграфовъ

КАРАМЗИНЪ

Жизнь и творчество

Н. Г. ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ

КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ И БІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ

PG-3314
.Z8
K36
1910z

Karamzin

КАРАМЗИНЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Главнаго Управленія
БИБЛІОТЕКА
Почтъ и Телеграфовъ

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

ЯЧЕЙКА Р. К. П. (б.)
НАРКОМПОЧТЕЛЬ,
МОСКВА, Б. Дмитровка, 22.

N 8

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

ЦѢНА 35 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „ОРОСЪ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — ВАРШАВА

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ).
Изм. п., 7 рота, 26.

Вліяніе Шадена на Карамзина.

Въ ту пору, когда началось въ пансіонѣ Шадена ученіе Карамзина, жизнь Европы была полна страстной и ожесточенной умственной борьбы.

Почти всѣ народы Европы выставили представителей въ этой многолѣтней борьбѣ съ прошедшимъ, которую начала Англія, воспитанная смѣлыми и свободными своими мыслителями.

Но главною страною, гдѣ жарче была эта борьба и ожесточеннѣе нападенія на прошлое и его авторитеты, — была Франція. Имена ея литературныхъ борцовъ, вліяніе ихъ произведеній распространилось далеко, дошло до насъ.

Извѣстности ихъ у насъ много способствовало самое направленіе первыхъ годовъ царствованія императрицы Екатерины, которая была воспитана на вліятельныхъ сочиненіяхъ вѣка. Долго смотрѣла она съ уваженіемъ на энциклопедистовъ и находилась съ ними въ непосредственныхъ сношеніяхъ.

Ея примѣру слѣдовалъ дворъ, высшее общество и, наконецъ, сама литература, настроенная, хотя и чрезвычайно слабо, на общій тонъ.

Карамзину удалось избѣжать этого господствовавшаго вліянія.

Онъ не пошелъ по обычной дорогѣ, неизбѣжной тогда для русскаго дворянина: онъ не попалъ въ руки къ гувернеру-французу и не увлекся исключительно вліяніемъ французской литературы. Съ нею познакомился онъ болѣе разумнымъ и сознательнымъ образомъ.

Этотъ новый путь его развитія и былъ причиною, почему Карамзинъ своею литературною дѣятельностью начинаетъ новую эпоху нашего образованія и нашей литературы.

Изъ европейскихъ странъ меньше всѣхъ участвовала въ общей умственной борьбѣ *Германія*. Ожесточенный характеръ борьбы смягчался въ ней *наукою*, составлявшею главное содер-

жаніе ея жизни, и борьба происходила въ ней болѣе въ области теоріи.

При раздѣленіи Германіи на мелкія владѣнія, ожесточеніе противъ феодальнаго государства не могло въ ней произвести такія явленія, какія произвело оно во Франціи съ ея сильною централизаціей и соединеніемъ государственныхъ силъ въ одну громадную массу, а протестантизмъ Германіи, дававшій свободу ея мысли, отнималъ у религіозной борьбы злость и горечь, возможныя въ католическомъ государствѣ.

Съ такимъ направленіемъ были и ученые профессора Германіи, которыхъ вызывали въ молодой Московскій университетъ.

Несмотря на то, что языкъ отдѣлялъ ихъ отъ слушателей, они принесли однакожъ пользу Россіи тѣмъ, что хлопотали о наукѣ и передачѣ ея въ странѣ, которая сильно въ ней нуждалась.

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ первыхъ профессоровъ Московскаго университета принадлежалъ и *Шаденъ*, въ пансіонѣ котораго Карамзинъ получилъ первоначальное образованіе и первыя свѣдѣнія.

Шаденъ былъ родомъ изъ Пресбурга въ Венгріи и образованіемъ своимъ обязанъ былъ Тюбингинскому университету, гдѣ подчинялся вполнѣ вліянію Лейбнице-Вольфіанской философіи, которая сказалась и въ его педагогической теоріи.

Получивъ въ Тюбингенскомъ университетѣ степень доктора философіи, Шаденъ прибылъ въ Москву въ 1756 г. въ качествѣ ректора надъ двумя университетскими гимназіями. Какъ ученый авторъ, Шаденъ неизвѣстенъ, и вся жизнь его была посвящена преподаванію.

Московскому университету онъ служилъ 41 годъ. Существенная польза, принесенная Шаденомъ русскому обществу, заключается въ воспитаніи нѣсколькихъ поколѣній, вынесшихъ изъ-подъ его руководства полезныя свѣдѣнія для жизни и благодарную память о своемъ воспитателѣ. Его собственное преподаваніе, основавшееся на древнихъ языкахъ, было очень разнообразно.

Въ гимназіяхъ (дворянскихъ и разночинцевъ), имъ образованныхъ первоначально, Шаденъ преподавалъ реторику, піитику, миѳологію, курсъ философіи, училъ языку латинскому

и греческому и вызывался даже преподавать охотникамъ языкъ еврейскій и халдейскій.

Преподаваніе въ университетѣ происходило на языкѣ латинскомъ и нѣмецкомъ.

Къ сожалѣнію о пребываніи Карамзина въ пансіонѣ Шадена, помѣщавшемся въ его собственной квартирѣ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Соучениковъ у Карамзина было только 8 человѣкъ; между ними г. Погодинъ называетъ двухъ братьевъ Бекетовыхъ: Платона и Ивана Петровичей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными по любви къ наукѣ и къ просвѣщенію.

Можно предполагать, что въ пансіонѣ же Шадина была первая встрѣча Карамзина съ другомъ его Петровымъ, имѣвшимъ такое сильное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Въ пансіонѣ преподавалъ самъ Шаденъ и приходившіе учителя, но что и въ какомъ видѣ преподавалось въ этомъ пансіонѣ—намъ не извѣстно.

Карамзинъ въ составленной имъ для митрополита Евгенія автобіографической запискѣ говоритъ, что онъ посѣщалъ изъ пансіона также и нѣкоторые классы Московскаго университета. По всей вѣроятности, это должно относиться къ одной изъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи Шадена.

Фонвизинъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго университета, мало вынесшій вообще изъ тогдашняго университетскаго преподаванія, сохранилъ однакожъ благодарную память о Шаденѣ. „Сей ученый мужъ“, говоритъ онъ, „имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно,что успѣхи наши были очевидны“. Муравьевъ, впослѣдствіи попечитель Московскаго университета, въ своемъ посланіи къ И. П. Тургеневу, товарищу дѣтства и соученику своему, вспоминая прежнихъ профессоровъ, говоритъ, что „Шаденъ истину являетъ безъ покрова“. Ученики Шадена любили его; они чувствовали, какъ многимъ были ему обязаны, и когда достойный профессоръ умеръ въ 1797 г., въ память ему было написано нѣсколько благодарныхъ, полныхъ чувства, рѣчей и стиховъ.

И Карамзинъ съ особенно нѣжнымъ чувствомъ вспоминалъ своего учителя. Во время путешествія своего по Европѣ, въ Лейпцигѣ, гуляя въ Вендлеровомъ саду, онъ увидѣлъ мраморный памятникъ Геллерту, и вспомнилъ „то счастливое

время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку, когда профессоръ Шаденъ, преподавая намъ, *маленькимъ* ученикамъ своимъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen), съ жаромъ говаривалъ: „Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы!“ Воспоминанія растрогали мое сердце“.

Это указаніе Карамзина о Геллертѣ (1715—1769), какъ о томъ нѣмецкомъ писателѣ, которому подражалъ учитель его Шаденъ, позволяетъ намъ нѣсколько остановиться на содержаніи его ученія. Кромѣ басенъ, которыя пользовались чрезвычайной популярностью въ Германіи и сдѣлали народнымъ имя его, Геллертъ былъ еще профессоромъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ его популярныя лекціи о нравственности находили весьма много слушателей и хотя набожнымъ характеромъ своимъ нѣсколько напоминали піэтистовъ, но чрезвычайно ясно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, говорили о справедливости, добродѣтели и религіи.

Нравственное ученіе Геллерта, враждебное древнимъ и деистамъ, отличалось нѣсколько ипохондрическою слабостью, мораль его и въ басняхъ была слаба, притомъ она была болтлива, но въ умственной жизни Германіи прошлаго вѣка его вліяніе было ощутительно, особенно въ среднемъ сословіи общества, такъ что Гёте имѣлъ полное право назвать его сочиненія „основаніемъ нравственной культуры Германіи“.

Геллерту надобно приписать самое сильное распространеніе въ литературѣ, а черезъ нея и въ обществѣ, той *чувствительности* или сентиментальности, которая долго господствовала въ нѣмецкой литературѣ и посредствомъ воспитанія у Шадена отразилась и въ произведеніяхъ Карамзина.

Современники были въ полномъ восторгѣ отъ него, а Карамзинъ отзывается о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Сколько можно судить по воспоминанію учениковъ, лекціи Шадена о нравственности многимъ обязаны были идеямъ Геллерта, хотя потомъ онъ и слѣдилъ за развитіемъ мысли въ Германіи и за ея представителями, далеко ушедшими впередъ отъ того времени, когда Геллертъ читалъ въ Лейпцигѣ свои популярныя лекціи о нравственности.

Нравственное ученіе Геллерта было приводимо Шаденомъ въ систему. Собственныя мысли, нравственные, жизненные и

политическіе идеалы Шадена видны въ нѣкоторыхъ латинскихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по разнымъ случаямъ.

Онѣ отличаются глубиною мысли и основательностію, и изъ нихъ становится намъ ясно, что Шаденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые выбрали задачею своей дѣятельности, съ помощію науки и убѣжденія, бороться съ волнующими современный міръ ученіями энциклопедистовъ.

Въ рѣчахъ своихъ Шаденъ говоритъ о Богѣ, о любви къ Нему, о могуществѣ вѣры, которой долженъ подчиниться разумъ, о непреложныхъ законахъ, правящихъ міромъ и не допускающихъ слѣпого случая, о монархіи, какъ лучшемъ образѣ правленія, единственно возможномъ въ Россіи, гдѣ идеи государя и отечества должны быть нераздѣльны, и въ особенности о воспитаніи, которое должно быть непремѣнно согласованно съ государственными потребностями.

Говоря о наукѣ, Шаденъ нападаетъ на одностороннее развитіе ума; онъ желаетъ участія въ пріобрѣтеніи знанія сердца и чувства, желаетъ болѣе воспитанія нравственнаго, чѣмъ холодныхъ свѣдѣній, и эту живую сторону требуетъ отъ воспитательныхъ учрежденій. О русскомъ народѣ, какъ народѣ сѣверномъ, Шаденъ говоритъ, что чувства его должны быть грубы, и что на нихъ, для развитія *чувствительности*, необходимо дѣйствовать воспитаніемъ. Замѣтить надобно, что Шаденъ желалъ воспитанія такого, которое бы имѣло близкую связь съ обществомъ, не чуждалось его, а служило ему.

Соображая педагогическія и нравственныя убѣжденія Шадена съ тѣми свидѣтельствами, которыя дошли до насъ о его честномъ личномъ характерѣ, какъ человѣка и профессора, о твердости его убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, сопоставляя съ этимъ общій характеръ всѣхъ произведеній Карамзина и тонъ ихъ, и политическіе идеалы, вынесенные имъ изъ глубокаго изученія отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно согласные съ ученіемъ Шадена, и нравственныя свойства его произведеній, мы убѣждаемся, что гораздо сильнѣе дѣтскихъ вліяній и общества, окружавшаго ребенка въ симбирской деревнѣ, было вліяніе на него воспитательнаго заведенія Шадена.

Изъ него онъ вышелъ прямо въ жизнь и принесъ съ собою въ нее, вмѣстѣ съ сложившимися убѣжденіями, которыя навсегда опредѣлили его литературную дѣятельность, и поло-

жительныя свѣдѣнія, необходимыя для нея. Мы позволяемъ себѣ думать даже, что вліяніе Шадена и воспитаніе, имъ данное Карамзину, было сильнѣе и значительнѣе послѣдующаго, именно Новикова и того мистико-масонскаго кружка людей, который образовался около этого замѣчательнѣйшаго представителя умственной жизни нашего отечества въ концѣ прошлаго столѣтія.

Если вліяніе Новиковскаго кружка и спасло Карамзина отъ пустоты и бездѣятельности свѣтской жизни въ провинціи, давъ ему толчекъ и сблизивъ его съ умственными интересами, то, съ другой стороны, этотъ кружокъ не привилъ ему своихъ убѣжденій; прежнія вліянія оказались сильнѣе; въ Европѣ, въ бесѣдѣ съ представителями ея литературы, эти прежнія вліянія опять получили силу; свѣжій воздухъ заграничной жизни развѣялъ то, что могло запасть въ душу Карамзина изъ масонства, а преслѣдованія послѣдняго со стороны правительства уже не позволили ему раздѣлять далѣе убѣжденій разсѣяннаго кружка.

Буличъ.

Западно-европейскія вліянія въ жизни и дѣятельности Карамзина.

Карамзинъ, его другъ Петровъ и небольшой, но тѣсный московскій кружокъ ихъ, группировавшійся около семьи Плещеевыхъ, проникліись идеями *либеральнаго лиризма.*

Чувствительность Карамзина, унаслѣдованная отъ матери и непомѣрно развитая еще въ дѣтствѣ чтеніемъ множества переводныхъ романовъ (которое онъ даже впослѣдствіи, въ „Рыцарѣ нашего времени“, признавалъ прекраснымъ педагогическимъ средствомъ противъ растлѣвающей прозы житейской), удачно встрѣтилась съ мефистофелевскимъ сарказмомъ Петрова.

Нѣмецкая начитанность перваго дополнялась англійскими литературными вкусами его друга, а *идеи братства и человѣчности*, усвоенныя въ новиковскомъ кружкѣ, нашли для себя подготовленную почву въ свободолюбивыхъ мечтаніяхъ Карамзина, бывшаго ученика Шадена, никогда не забывшаго, какъ старый педагогъ приходилъ къ нимъ бывало въ классъ

съ ликующимъ видомъ и съ бюллетенемъ въ рукахъ о побѣдахъ Вашингтона.

Но у кружка была непосредственная связь съ школой „Бурныхъ стремленій“. Послѣ болѣзненнаго, безумнаго соперничества съ Гете, лихорадочно напряженнаго творчества во всевозможныхъ родахъ литературы, вызвавшаго въ немъ неизлѣчимую душевную болѣзнь, доживалъ свои послѣдніе дни въ Москвѣ (нѣсколько времени даже въ одномъ домѣ съ Карамзинымъ) лифляндецъ Ленцъ, нѣкогда одинъ изъ блестящихъ участниковъ кружка Гете. Владѣя умственными силами лишь въ полосы просвѣтовъ, онъ все же былъ прежде живымъ свидѣтелемъ и участникомъ важнаго періода въ новой нѣмецкой поэзіи, корреспондентомъ многихъ ея дѣятелей, занимательнымъ, хоть и эксцентричнымъ разсказчикомъ о людяхъ и дѣлахъ недавняго прошлаго. Втихомолку онъ не переставалъ писать,—искры прежняго таланта сверкали иногда въ его произведеніяхъ, на которыхъ лежала печать душевной боли („въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ піитическими идеями“, говоритъ Карамзинъ),—пока смерть не положила конецъ его грустному существованію и прежній баловень судьбы не найденъ былъ мертвымъ на одной изъ московскихъ улицъ [1]).

Въ юномъ кружкѣ боготворили Руссо, рвались на волю и въ одиночество, поэтизировали американскую войну и предвѣстія французской революціи, швейцарскую свободу; *Карамзинъ считалъ своими любимыми героями Франклина и Вильгельма Телля.* Потомъ научились цѣнить мрачныя красоты британскихъ поэтовъ и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. *Карамзинъ, переводившій сначала дидактическія поэмы швейцарца Галлера или Геснеровы идилліи, съ увлеченіемъ переводитъ „Юлія Цезаря“ или „Эмилію Галотти“, гдѣ каждая строка дышетъ ненавистью къ тиранніи и самоуправству;* со временемъ онъ станетъ поклонникомъ Робеспьера и будетъ потрясенъ его убійствомъ... Вѣчная противоположность идеаловъ и дѣйствительности угнетала порою друзей до меланхоліи, чуть не до

[1]) Пора „Бурныхъ стремленій“ выслала въ Россію и другого своего представителя. На русской службѣ (генераломъ, директоромъ корпуса, попечителемъ дерптскаго учебнаго округа) провелъ долгіе годы Клингеръ, по титулу бурной юношеской пьесы котораго „Sturm und Drang“ названъ былъ весь періодъ.

мистицизма,—вмѣстѣ просиживали они до бѣлаго дня въ небольшой каморкѣ масонскаго братскаго дома, читая „Юнговы Ночи“ и смотря на стоявшее передъ ними распятіе; Карамзинъ еще изъ Москвы завязываетъ сношенія съ Лафатеромъ, посвящаетъ его въ свою душевную жизнь и проситъ указапій и совѣтовъ въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія.

Путешествіе Карамзина по Европѣ (какъ полагалъ Тихонравовъ, въ особенности внушенное совѣтами Ленца), значительно *расширивъ его горизонтъ, внесло вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе практическій элементъ въ его грезы и стремленія.* Житье въ Швейцаріи не только дало ему много сладостныхъ минутъ на родинѣ его кумира Руссо, *пріучило понимать и художественно описывать,* по примѣру Томсона (въ его „Временахъ года“), *красоты природы,* но внушило ему *сочувствіе къ швейцарскому соціальному строю*; въ Англіи онъ внимательно присмотрѣлся *къ институту мирового суда, къ суду присяжныхъ, вѣротерпимости, самоуправленію,* слышалъ въ парламентѣ Фокса, Шеридана; во Франціи *онъ не устоялъ передъ сильными впечатлѣніями революціи,* и въ послѣдовательныхъ передѣлкахъ текста „Писемъ“ ему пришлось ослаблять первоначальныя проявленія сочувствія.

Изъ первыхъ источниковъ познакомился онъ съ состояніемъ современной европейской мысли, отъ великаго Канта до фантаста Лафатера, и перевидалъ почти всѣхъ выдающихся поэтовъ, пытливо вызывая „великихъ людей“ на откровенность въ своихъ любознательныхъ interviews. Въ легкой и разнообразной формѣ дорожнаго дневника, указанной какъ Радищеву, такъ и ему, блестящимъ примѣромъ Стерна, онъ посвящаетъ читателя въ свои задушевныя мысли, желанія и наблюденія,—и въ то же врвмя *обставляетъ свои изліянія* (какъ доказали теперь тщательныя сличенія) *сложнымъ аппаратомъ вычитаннаго и усвоеннаго западнаго матеріала.*

Съ опредѣленными цѣлями литератора и публициста въ западномъ вкусѣ возвращается онъ въ отечество. На намъ лежитъ такой типическій отпечатокъ европейца, въ его нарядѣ, манерахъ, свободныхъ рѣчахъ такъ видны привычки къ непринужденности и самоопродѣленію, что испуганные собесѣдники отводятъ его въ сторону послѣ одного изъ его первыхъ обѣдовъ въ петербургскомъ свѣтѣ и совѣтуютъ быть осторожнѣе.

Онъ ревностно принялся за дѣло. Его *„Московскій журналъ“, созданный въ подражаніе западнымъ образцамъ,* былъ все-таки первымъ, дѣйствительно живо веденнымъ русскимъ литературнымъ журналомъ съ толковымъ критическимъ отдѣломъ, „Письмами русскаго путешественника“, т.-е. занимательной хроникой европейской жизни и литературы, новой иностранной беллетристикой и попытками самого редактора создать чувствительную повѣсть стерновскаго оттѣнка (вліяніе Стерна [1]) замѣтно не только въ „Бѣдной Лизѣ“, но и въ „Натальѣ боярской дочери“, среди древнерусской обстановки [2]); *легкость и выразительность новаго слога*, вызванная состязаніемъ съ европейскимъ стилемъ, помогла усвоенію проводимыхъ въ массу идей и вмѣстѣ съ тѣмъ создала эпоху въ жизни русскаго языка.

Изъ молодого редактора могъ выработаться со временемъ талантливый руководитель литературнаго движенія, чуткій и къ Шекспиру, и къ лучшимъ вліяніямъ новой словесности, представитель новой эстетики Лессинга и Гердера, отзывчивый на всѣ живыя явленія въ литературѣ и даже политикѣ Европы, любившій все родное, ставя, однако, выше его общечеловѣческое. *„Главное дѣло,* — говорилъ онъ тогда, — *быть людьми, а не славянами.* Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣческой, то мое, ибо я человѣкъ“.

Но съ порой быстраго его писательскаго роста совпадаетъ начало наиболѣе тяжкой полосы для всей литературы. Кругомъ Карамзина рѣдѣютъ ряды друзей; Петрова уже нѣтъ, и некому охлаждать расплывчивость его чувствительности зрѣлымъ и спокойно-остроумнымъ словомъ; Новиковъ и все его мирное братство въ опалѣ; *до Карамзина доходятъ слухи, что его собственное положеніе становится небезопаснымъ,* что въ Пе-

[1]) Любопытно его предположеніе о генеалогіи стерновскаго направленія. Въ „Письмахъ рус. путешеств.“ по поводу поѣздки въ Медонъ, приходъ Рабле, онъ, опредѣляя его значеніе, высказываетъ мысль, что Стернъ испыталъ вліяніе великаго сатирика.

[2]) Нѣсколько примѣровъ: „Любезный читатель! Прости мнѣ сіе отступленіе! Не одинъ Стернъ былъ рабомъ своего воображенія“. — „Кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру“ и т. п.

тербургѣ подозрительно слѣдятъ за его дѣйствіями; сначала его, потомъ его друга Дмитріева призываютъ *къ допросу*. Его подозрѣваютъ въ „атеизмѣ, вольнодумческомъ и якобиническомъ ядѣ“, доносчики утверждаютъ, что онъ „цѣлитъ въ перваго консула“. Ему приходится встрѣчать грудью всѣ невзгоды.

Вчитываясь въ его письма за послѣдніе пятнадцать лѣтъ восьмнадцатаго вѣка и въ тѣ аллегорическія произведенія, гдѣ, скрываясь за какихъ-нибудь Филалетовъ или Мелодоровъ, онъ высказываетъ свое тревожное или отчаянное состояніе духа, мы ясно видимъ, какъ годъ-отъ-году *онъ поневолѣ отрѣшается отъ прежнихъ надеждъ*, отдается безсодержательному стихотворству или безобиднымъ философскимъ разсужденіямъ, которыя слагаетъ въ духѣ западныхъ деистовъ, издаетъ невинные альманахи или общеобразовательные сборники (Пантеонъ иностранной словесности, который ему хотѣлось бы превратить въ „родъ журнала, посвященнаго иностранной литературѣ“), которые, несмотря на то, цензура находитъ возможнымъ обезображивать („цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ“, пишетъ онъ Дмитріеву, 1798), задыхается въ своей новой роли и часто стыдится ея. Прожить съ такою печатью безмолвія на устахъ не легко для натуры не особенно сильной; утомленный, разбитый, едва доживаетъ Карамзинъ до лучшихъ дней. Съ воцареніемъ Александра привычные Карамзину интересы выдвигаются снова на первый планъ, западничество опять дѣлается двигательной силой, — но *у него уже нѣтъ прежней энергіи*, жизнь успѣла многому научить [1]), и прежній порывистый юноша, поклонникъ Франклиновъ и Теллей, истолкователь Шекспира и Лессинга, — послѣ недолгой, опять западнической, журнальной попытки съ „Вѣстникомъ Европы“,—*окончательно сворачиваетъ съ прежняго пути*, замыкается въ тиши кабинета и за дѣлами давно минувшихъ дней

---

[1]) Печальной житейской мудростью вѣетъ отъ тонкой и остроумной карамзинской параллели „Чувствительнаго и Холоднаго“, открывающей собою 19 вѣкъ. Торжество благоразумныхъ, ко всему равнодушныхъ людей оттѣнено заявленіемъ, въ которомъ сказался прежній Карамзинъ: „одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда небольшой примѣсъ безразсудности, un peu de folie“.

начинаетъ забывать о молодыхъ, горячихъ интересахъ подрастающаго на смѣну ему поколѣнія [1]).

Не одного Карамзина коснулось вліяніе той пугливой подавленности, въ которой русское общество доживало восьмнадцатое столѣтіе. Будущіе дѣятели и писатели, чья молодость совпала именно съ этой порой, навсегда сохранили слѣды ея мертвящаго духа. О сближеніи съ Европой нечего было и думать,—развѣ подъ флагомъ мальтійскаго рыцарства, пересаженнаго тогда Павломъ въ Россію и вызвавшаго потѣшно напыщенную игру въ старозавѣтныя бытовыя формы запада. Сочувствіе умственнымъ интересамъ и общественнымъ движеніямъ Европы считалось преступнымъ, запрещалось даже употребленіе предосудительныхъ словъ,—отечество, представитель, гражданинъ,—напоминавшихъ чѣмъ-либо о новомъ французскомъ государственномъ строѣ; ввозъ иностранныхъ книгъ въ Россію былъ сначала ограниченъ двумя таможнями, а затѣмъ и вовсе воспрещенъ, такъ какъ, по словамъ указа 1800 года, „черезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“. Русскихъ студентовъ вернули (1799) изъ-за границы. Для поколѣнія постарше такія мѣры казались переломомъ, отреченіемъ отъ прошлаго. Вѣдь Павелъ, въ молодые годы объѣхавшій всю Европу подъ именемъ графа Сѣвернаго, пріобрѣлъ популярность либеральными поступками и мнѣніями,—посѣщеніемъ отставленнаго Неккера, неудовольствіемъ по поводу запрещенія парижской театральной цензурой трагедіи „Jeanne de Naples“, въ которой заподозрѣны были выходки противъ Екатерины [2]), согласіемъ выслушать въ своемъ салонѣ чтеніе самимъ Бомарше гонимой тогда „Свадьбы Фигаро“ и восхваленіемъ этой комедіи [3]). Дѣйствительно, отъ прежняго евро-

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь же, что одно изъ первыхъ проявленій въ Карамзинѣ желанія когда-нибудь посвятить себя русской исторіи, находящееся въ письмѣ изъ Парижа въ маѣ 1790 года, коренится въ соревнованіи съ западными народами, которые уже имѣютъ своихъ Юмовъ, Робертсоновъ и Гиббоновъ.

[2]) Nallays-Dabot. Histoire de la censure théatrale en France, 1862, p. 125—6.

[3]) Loménie, „Beaumarchais et son temps“, II, 301—2. — Изъ напечатаннаго въ книгѣ Lintilhac'a „Beaumarchais et ses oeuvres“, 1887, с. 407, письма къ Бомарше отъ одного изъ придворныхъ французскихъ актеровъ, исполнявшаго порученіе директора театровъ Бибикова, видно, что со сто-

пеизма не осталось слѣдовъ. Наоборотъ, послѣ теоретической враждебности Екатерины противъ мятежнаго французскаго народа, готовой унизить его, ослабить его друзей, возбудить европейскую войну для обузданія Франціи, но не вмѣшивать въ нее Россію [1]), теперь укоренялось убѣжденіе, что для насъ пришло время спасать Европу отъ гибельныхъ идей; народныя силы и деньги, героизмъ русскихъ войскъ, шедшихъ умирать въ снѣгахъ швейцарскихъ горъ или равнинахъ Ломбардіи, таланты Суворова, все напрягалось для достиженія этой безнадежной цѣли. Удручающее, мертвящее затишье общественной и литературной дѣятельности, въ значительной степени еще нуждавшейся въ поддержкѣ запада, не могло не наступить. Случайныя свѣтлыя минуты, въ родѣ заглаживавшаго екатерининскія напраслины освобожденія Радищева и полумертваго Новикова, передъ которымъ растроганный, охваченный стыдомъ и ужасомъ, Павелъ опустился на колѣна,— снятія запрета съ капнистовской „Ябеды“, — терпимости къ журнальной дѣятельности Пнина съ ея проповѣдью просвѣщенія и гуманности, — были слишкомъ рѣдки, чтобъ нарушить впечатлѣніе летаргическаго сна, сковавшаго всю жизнь.

Закрывая „Московскій журналъ“ и замѣняя его невиннымъ альманахомъ съ приторнымъ заглавіемъ „Аглая“, Карамзинъ закончилъ свое объясненіе съ читателями грустными словами, смыслъ которыхъ оказался вскорѣ пророческимъ и для него и для всего культурнаго движенія восьмнадцатаго вѣка:

„Драма кончилась и занавѣсъ опускается“.

Алексѣй Веселовскій.

роны русскаго двора дѣлались сначала настоятельныя усилія получить primeur „Свадьбы Фигаро“, интересовавшей уже какъ „продолженіе Севильск. Цирюльника, выдержавшаго въ Петербургѣ 50 представленій и не перестающаго восхищать“. Когда Екатерина познакомилась съ пьесой, революціонный духъ возмутилъ ее, и сношенія прекратились.

[1]) Ср. Albert Sorel, L'Europe et la révolution, I, 516—18, IV, 44. Larivière, Cather. et la révol., p. 98—118.

Содержаніе и идеи „Писемъ русскаго путешественника“.

Письма изъ Германіи.—Изъ Швейцаріи.—Изъ Франціи.—Изъ Англіи).

Статейка „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ отчасти можетъ послужить характеристикою юноши Карамзина, который изъ сферы тогдашней русской жизни попалъ въ обстановку жизни европейской, хотя ему чужой, но духовно родственной по его образованію и стремленію, — тамъ ясно можно видѣть, какіе интересы жизни занимали его и друзей его.

Юноша, по природѣ впечатлительный, развившійся подъ вліяніемъ великихъ европейскихъ умовъ, проникается пламеннымъ усердіемъ къ добру, любовью къ просвѣщенію, которое въ его глазахъ есть высшее добро для человѣчества.

Чѣмъ меньше было вокругъ него этого животворящаго свѣта, тѣмъ больше любовь его должна была обращаться въ страсть и тѣмъ сильнѣе стремленіе въ ту просвѣтительную сферу.

Чѣмъ больше его идеальный міръ расходился съ дѣйствительнымъ, тѣмъ больше *меланхолическое настроеніе* должно было овладѣвать имъ.

Очень понятно, что при такихъ стремленіяхъ духа онъ долженъ былъ сильно пристраститься къ тѣмъ европейскимъ писателямъ, которые въ то время особенно дѣйствовали на впечатлительныя натуры, представляя счастіе человѣка не въ дѣйствительномъ, а въ мечтательномъ мірѣ и полагая все это счастіе въ исключительной жизни сердца, въ однихъ интересахъ чувства.

Отсюда и одностороннее стремленіе къ такимъ интересамъ, отсюда и болѣзненная слабость сердца, производящая слезы при всякомъ нарушеніи гармоніи сердечной жизни.

Изъ всѣхъ такихъ писателей Ж.-Ж. Руссо сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ на сердце Карамзина; по его собственнымъ словамъ, душа Руссо въ это время отчасти пересилилась въ его душу (письмо изъ Эрменонвилля). Вотъ какимъ юношей отправляется онъ въ путешествіе: пылкій, чувствительный, мечтательный, онъ не могъ отдаться изученію какой-либо одной науки, одной спеціальности; онъ уважалъ ихъ всѣ, такъ какъ онѣ всѣ ведутъ къ просвѣщенію; но онъ искалъ жизни для

сердца, впечатлѣній въ той средѣ, которая цѣлыя столѣтія развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія, облагораживая образъ человѣка.

Первое письмо его даетъ какъ бы тонъ всѣмъ прочимъ его письмамъ, характеръ которыхъ удивительно выдержанъ.

Въ немъ мы видимъ то *противорѣчіе*, въ какое автора поставила его болѣзненная чувствительность, а съ этимъ вмѣстѣ и страданіе, какъ слѣдствіе ненормальнаго положенія: мысли его несутся въ просвѣщенную Европу, сердце его ожидаетъ найти много пріятныхъ впечатлѣній, тамъ онъ повѣритъ, насколько примѣнимъ въ дѣйствительности тотъ чистый идеалъ человѣка, который развился въ немъ; но исполненіе этихъ завѣтныхъ его мечтаній вдругъ нарушаетъ гармонію, какою наслаждалось его сердце въ кругу его друзей; оно производитъ не легкую грусть, свойственную сердцу при разлукѣ, а *болѣзнь души*, причиняющую сильныя страданія. Такъ страдать можетъ человѣкъ, котораго насильно отрываютъ отъ его родного круга и у котораго въ виду только скука и одиночество. И въ слѣдующихъ письмахъ каждый разъ это чувство возобновляется въ немъ, когда онъ вспоминаетъ о своихъ друзьяхъ.

Письма русскаго путешественника можно раздѣлить на *четыре части*: 1) Письма изъ Германіи, 2) изъ Швейцаріи, 3) изъ Франціи, 4) изъ Англіи. Въ письмахъ Карамзина главное — *интересы просвѣщенія*, какъ счастія человѣчества, *любовь къ человѣчеству, уваженіе личности*; все это даетъ имъ важное значеніе для той эпохи, когда въ русской жизни еще слишкомъ мало были развиты эти высшіе интересы.

Передъ нами вездѣ русскій юноша, съ восторгомъ обращающій вниманіе на плоды цивилизаціи, которыми еще очень мало пользовались въ его отечествѣ.

Но кромѣ того каждая часть представляетъ еще свой особенный интересъ.

Въ первой части—*встрѣча съ извѣстными учеными и писателями*, какъ дѣятелями на поприщѣ просвѣщенія; въ ихъ лицахъ юноша видитъ олицетвореніе науки и искусства, передъ которыми онъ преклоняется. Никакія имена не производятъ на него такого впечатлѣнія и не возбуждаютъ такого благоговѣйнаго чувства, какъ имя писателя, трудившагося надъ разъясненіемъ того или другого вопроса науки или жизни.

И къ бесѣдѣ съ ними онъ былъ приготовленъ чтеніемъ ихъ произведеній.

„Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ“ — мысль, выраженная въ одномъ изъ писемъ Карамзина (изъ Берлина отъ 30 іюня), составляетъ другую тему его германскихъ писемъ. Онъ наблюдаетъ надъ отношеніями между людьми въ самыхъ обыкновенныхъ ежедневныхъ сценахъ; онъ питаетъ свое сердце или мыслями о дружбѣ, или трогательными разсказами.

Изъ путешествія по Германіи онъ вынесъ мысли, которыя также могутъ служить ему характеристикою: „пріятно, весело переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, сама душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться *царемъ земного* творенія... человѣкъ силою могущественной воли своей шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ вездѣ *наслажденій* и находитъ ихъ вездѣ, бываетъ *любимымъ гостемъ природы*, повсюду отверзающей для него новые источники *удовольствія*, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ все *человѣчество*. А мудрая *связь общественная*, по которой нахожу я во всякой землѣ всевозможныя *удобности* жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманы, по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ *плоды своихъ трудовъ*, *своей промышленности* и призываютъ меня участвовать въ своихъ *забавахъ*, въ своихъ *весельяхъ*. Однимъ словомъ, путешествіе *питательно для духа и сердца нашего*. Путешествуй ипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей ипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы *полюбить человѣчество*! (изъ Страсбурга отъ 6 августа).

Главный интересъ *Швейцарскихъ* писемъ опредѣляется слѣдующими словами путешественника: „Итакъ, я уже въ Швейцаріи, въ странѣ *живописной натуры*, въ землѣ *свободы и благополучія*! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ и я съ *гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ*“ (изъ Базеля).

Въ другомъ письмѣ онъ восклицаетъ: „Ахъ, друзья мои, не должно ли мнѣ благодарить судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее отъ своего сердца“ (изъ Гасли).

Это великое и прекрасное онъ находилъ въ швейцарской

природѣ, и свои письма наполнялъ ея описаніями. По нимъ хорошо опредѣляется его отношеніе къ природѣ.

Какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, онъ не могъ не увлекаться и красотами природы, не могъ не отдаваться ей всѣмъ своимъ сердцемъ и нерѣдко также впадалъ въ крайность въ своихъ чувствованіяхъ.

Его воображеніе рисовало ему идиллическія картины, предъ которыми онъ умиляется и которыя заставляютъ его забывать несовершенства дѣйствительной жизни.

При такомъ отношеніи къ природѣ онъ выказываетъ полное сочувствіе къ самой простой жизни; его не тревожитъ никакое честолюбивое стремленіе; оно было ему чуждо и во всю его жизнь.

Въ письмахъ изъ Франціи главный интересъ составляетъ *общественная жизнь, ученыя и просвѣтительныя учрежденія, историческія воспоминанія и анекдотическіе разсказы*, изъ которыхъ большая часть можетъ назваться *трогательными*. „Я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій, замѣчаетъ авторъ; но выѣхалъ изъ него не съ пустою душою: въ ней остались идеи и воспоминанія“.

Въ письмахъ изъ Англіи путешественникъ обращаетъ особенное вниманіе на *трудовую жизнь*, ведущую къ довольству: „какая дѣятельность и какой порядокъ, восклицаетъ онъ. Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой“.

Это-то особенно восхищаетъ Карамзина, и его письма наполняются разными разсужденіями, вытекающими изъ наблюденій надъ настоящею жизнью англичанъ, „Я умствую, говоритъ онъ: таково дѣйствіе англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ“.

Благоустройство и порядокъ вызывали также въ его письмахъ описанія: парламентъ, суды, тюрьмы, больницы, биржа, музеи, все это онъ изображаетъ какъ обстановку просвѣщенной жизни; описывая семейную жизнь англичанъ, Карамзинъ еще болѣе опредѣляетъ свою личность: „Я всегда думалъ, говоритъ онъ, что дальнѣйшіе *успѣхи просвѣщенія* должны болѣе привязать людей къ *домашней жизни*. Не пустота-ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ *неизмѣннымъ удовольствіямъ на-*

туры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ, когда въ рукѣ *книга*, подлѣ *милая жена*, вокругъ *прекрасныя дѣти*, захочется-ли ѣхать на балъ или на большой ужинъ... Не смотря на лондонскую огромную церковь св. Павла, не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ, не удивляясь богатству магазиновъ Остъ-индской компаніи и даже не въ собраніи здѣшняго королевскаго общества, говорю я: *англичане просвѣщены*, нѣтъ, но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться *семейственнымъ счастьемъ*, твержу сто разъ: *англичане просвѣщены!*“ Отсюда легко опредѣлить, въ чемъ нашъ писатель полагалъ истинное просвѣщеніе жизни.

В. Стоюнинъ.

Карамзинскій идеалъ писателя.

(Карамзинъ по возвращеніи изъ-за границы.—Желаніе дѣйствовать на пользу русскаго просвѣщенія. - Статья „Что нужно автору?“—Желаніе всеобщаго блага, страсть къ добру, доброе нѣжное сердце.—Вѣрность автора собственному идеалу писателя.—Значеніе повѣстей Карамзина).

Возвратившись на родину съ такими взглядами, понятіями и стремленіями, Карамзинъ могъ назваться въ новомъ поколѣніи *передовымъ русскимъ человѣкомъ*. Самъ онъ говоритъ, что онъ возвратился съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностью чувствовать красоты физическаго и нравственнаго міра (Цвѣтокъ на гробъ Агатона); къ этому можно прибавить: *и съ желаніемъ дѣйствовать на пользу русскаго просвѣщенія.*

Въ то время литературная сфера была едва ли не единственная, гдѣ можно было служить обществу, дѣйствуя хоть нѣсколько самостоятельно. А такая дѣятельность только и могла удовлетворить стремленіямъ Карамзина. Онъ уже не раздѣляетъ своихъ силъ, какъ многіе другіе, смотритъ на литературное дѣло не какъ на *забаву* или *досугъ* отъ службы, а какъ на дѣйствительную службу отечеству, поэтому онъ постарался ясно опредѣлить себѣ и цѣли своихъ трудовъ, и отношеніе ихъ къ жизни.

Въ этомъ случаѣ очень важно познакомиться съ небольшою статейкою Карамзина *„Что нужно автору?“*, такъ

какъ она хорошо опредѣляетъ направленіе Карамзина. Она развиваетъ слѣдующія положенія: чтобъ быть хорошимъ и небезполезнымъ писателемъ, нужно питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага*; съ нимъ душа можетъ возвыситься до *страсти къ добру*; для всего этого нужно непремѣнно имѣть *доброе, нѣжное сердце*, открытое для всего горестнаго, угнетеннаго, слезящаго. Здѣсь авторъ представляетъ, какое впечатлѣніе производитъ на читателей писатель съ чувствительнымъ сердцемъ и писатель, у котораго истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца и не согрѣвается дыханіемъ любви, и за кѣмъ изъ нихъ остается въ потомствѣ благословеніе народовъ.

Этотъ *идеалъ писателя* создался совершенно согласно съ характеромъ самого Карамзина, который и оставался вѣренъ ему во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ его повѣстяхъ лучшіе люди являются чувствительными и нѣжными; представляя лица и дѣйствія въ сферѣ русской жизни, онъ не обращаетъ вниманія на національныя черты характера, не спрашиваетъ, могли ли такіе люди развиться при данной обстановкѣ; *для него важно выяснить только человѣческія стороны, облагородить ими личность*, показать, что во всякое время и во всякомъ званіи только эти черты и возвышаютъ человѣка; ихъ и должно искать для оцѣнки каждой личности.

Все это имѣло *важное нравственное значеніе въ томъ обществѣ*, гдѣ человѣкъ болѣе оцѣнивался по его внѣшнимъ достоинствамъ.

Въ *„Бѣдной Лизѣ“* авторъ представляетъ, что природа развиваетъ въ человѣкѣ *чувствительность, простосердечіе, нѣжность, трудолюбіе*, доставляетъ ему чистыя радости, но ими не можетъ долго наслаждаться тотъ, кто развился въ другой сферѣ, съ слабымъ и вѣтреннымъ характеромъ, хотя бы и съ добрымъ сердцемъ; онъ только вноситъ зло въ простую жизнь людей,—зло, которое остается на его совѣсти и нерѣдко лишаетъ его покоя.

Повѣсти Карамзина дѣйствительно должны были смягчать многія грубыя сердца, пробуждая въ нихъ чувствительность и состраданіе къ людямъ.

В. Стоюнинъ.

Историко-философская оцѣнка сентиментализма.

(Рознь между интеллигенціей и высшими сословно-общественными классами конца XVIII-го вѣка. Ложно-классицизмъ послѣднихъ и сентиментализмъ, какъ идеологія первой. Сентименталистическія вѣянія въ сатирическихъ листкахъ. „Письма русскаго путешественника", какъ произведеніе „гуманическое"; шагъ назадъ въ сферѣ интеллектуальнаго развитія, но зато созданіе новыхъ обширныхъ кадровъ русской интеллигенціи Синтетичность сентиментализма; впервые—приматъ реальной личности надъ абстрактнымъ человѣкомъ, первый шагъ къ этическому индивидуализму. Анти-раціоналистичность сентиментализма. Этическій индивидуализмъ и отрицательное отношеніе къ соціологическому номинализму. „Реальная личность" сентиментализма—анти-реалистическое построеніе, въ которомъ однако непосредственныя переживанія индивидуума занимаютъ первое мѣсто. Разрывъ сентиментализма съ абстрактнымъ человѣкомъ. Проповѣдь самосовершенствованія, постепеновство — первый шагъ къ разложенію сентиментализма, къ этико-соціологическому номинализму и ультра-индивидуализму. Сознательная борьба сентиментализма съ литературнымъ мѣщанствомъ; „мѣщанская драма"—сословно-мѣщанская и литературно-анти-мѣщанская; этическое антимѣщанство сентиментализма, очеркъ Карамзина „Чувствительный и холодный", типы Эраста и Леонида.—Разложеніе сентиментализма—его вырожденіе въ литературно-этическое мѣщанство; романтизмъ, какъ преемникъ сентиментализма).

Въ русской литературѣ и жизни XIX-й вѣкъ начался сентиментализмомъ, сразу разорвавшимъ ржавыя цѣпи старыхъ литературныхъ формъ. Минуло сто лѣтъ—и мы теперь нѣсколько *легкомысленно* относимся къ этой замѣчательной эпохѣ русской литературы: подъ сентиментализмомъ мы чаще всего понимаемъ нѣчто слезоточивое, чувствительное, приторно-сладкое, и такимъ образомъ изъ-за деревьевъ не видимъ лѣса, не видимъ *того глубокаго значенія, которое имѣлъ сентиментализмъ для своего времени и имѣетъ до сихъ поръ въ исторіи развитія русской интеллигенціи.*

Ядро русской интеллигенціи, сформировавшееся вокругъ шестидесятниковъ и семидесятниковъ XVIII-го вѣка, хотя и было средне-дворянскимъ по своему сословному составу, *но по своимъ задачамъ и цѣлямъ было внѣсословнымъ и внѣклассовымъ.*

Тѣмъ не менѣе рознь между интеллигенціей и высшими общественными классами становилась чѣмъ дальше, тѣмъ больше: интеллигенція не могла удовлетвориться той литературной пищей, которой питались разные „сыны роскоши, прохладъ и нѣгъ".

Ложно-классицизмъ, это излюбленное дѣтище высшаго дворянства и аристократіи, мало-по-малу сталъ ихъ enfant terrible, послѣ того какъ его мертвящій шаблонъ, его мѣщанство дошли до крайнихъ предѣловъ.

Появились различные Петровы, Хвостовы и tutti quanti: дальше идти было некуда...

Новый общественный слой предъявилъ литературѣ иныя требованія, явился выразителемъ иныхъ идеаловъ: героическіе идеалы ложно-классицизма были замѣнены *гуманическими* идеалами сентиментализма.

Идеологія средняго дворянства и высшаго мѣщанства (въ сословномъ значеніи)—*такова соціологическая подпочва сентиментализма*, но *только подпочва*, подчеркиваемъ это, а не непосредственная суть его. Вполнѣ естественнымъ является поэтому тотъ фактъ, что именно средне-дворянская интеллигенція второй половины XVIII-го вѣка явилась первой выразительницей настроеній сентиментализма. Историку литературы чрезвычайно заманчиво остановиться подробно на разборѣ сентименталистическихъ вѣяній еще въ сатирическихъ листкахъ Новикова, но мы должны пройти мимо этой литературной эмбріологіи. Достаточно указать на глубокую связь съ сентиментализмомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ Новиковскаго кружка, Радищева: не говоря о томъ, что „Путешествіе“ Радищева является по формѣ сколкомъ съ „Сентиментальнаго путешествія“ Стерна, но и по содержанію, по тону, по „гуманическимъ“ идеаламъ, по „трогательнымъ“ и чувствительнымъ эпизодамъ есть первое произведеніе нарождающагося русскаго сентиментализма.

Однако *евангеліемъ русскаго сентиментализма* считается, и вполнѣ справедливо, не „Путешествіе“ Радищева, а одновременныя ему „Письма русскаго путешественника“ Карамзина: *только въ этомъ произведеніи* (1789—1790 гг.) *впервые проявился весь сентиментализмъ въ своемъ цѣломъ, со своими сильными и слабыми сторонами*, только Карамзинъ можетъ считаться полнымъ представителемъ русскаго сентиментализма.

„Письма русскаго путешественника“ начинаютъ собою XIX-й вѣкъ въ русской литературѣ, *создаютъ эпоху*. Это одинаково справедливо и въ области *формы*, и въ области *содержанія*. Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что Карамзинъ *реформировалъ русскій языкъ*, влилъ новое содержаніе въ обновленныя

формы, оказалъ безпримѣрно сильное вліяніе на всю русскую литературу; уже по одному этому съ Карамзина „должно полагать начало русской литературы... Карамзинъ явился преобразователемъ языка и стилистики,... началъ писать языкомъ общества“...

Эти слова Бѣлинскаго сохранили свою силу до настоящаго времени: дѣйствительно, *русская литература какъ общественно-культурная сила появилась на свѣтъ только послѣ стилистическаго переворота Карамзина.*

Въ эпоху ложно-классицизма русская литература была роскошью, въ лучшемъ случаѣ была пріятна и полезна, какъ лѣтомъ сладкій лимонадъ; для общественно-просвѣтительныхъ начинаній московскихъ розенкрейцеровъ, для кружка Новикова и Радищева литература была уже орудіемъ борьбы, но она была закована въ такіе стилистическіе тиски, которые дѣлали безплодной всякую попытку общественнаго воздѣйствія въ широкихъ размѣрахъ. Достаточно вспомнить неуклюжій, заплетающійся книжный языкъ замѣчательной книги Радищева.

Русская интеллигенція XVIII-го вѣка была трибуномъ по духу и заикой по рѣчи, она была Демосѳеномъ съ камешками во рту. Понятно громадное значеніе Карамзина, который впервые заговорилъ въ литературѣ разговорнымъ языкомъ интеллигенціи своего времени: только съ этихъ поръ стало возможнымъ общественное значеніе литературы; *литература изъ роскоши стала потребностью*, о чемъ достаточно свидѣтельствуетъ хотя бы исторія журналистики.

Послѣ реформы литературной и стилистической, въ эпоху если не великихъ, то во всякомъ случаѣ коренныхъ государственныхъ реформъ начала XIX-го вѣка, литературная и общественная жизнь закипѣла. Правительственный терроръ 1796—1801 гг. на короткое время подавилъ всѣ проявленія жизни, но послѣ него она проявилась съ тѣмъ большей силой. Журналы „Вѣстникъ Европы“ Карамзина (1802 г.), „Московскій Меркурій“ (1803 г.), „Сѣверный Вѣстникъ“ (1804 г.), „Журналъ Россійской словесности“ (1805 г.), „Московскій зритель“ (1806 г.), „Лицей“ (1806 г.), и т. п. имѣли иногда свыше тысячи подписчиковъ.

Все это, однако, мимоходомъ; намъ интересна не новая литературная форма и не стилистическая реформа, а *новая*

идеологія, новое вино, влитое въ новые мѣха. Бѣлинскій остроумно замѣтилъ, что въ Карамзинѣ галлицизмъ выраженій былъ только слѣдствіемъ галлицизма его мыслей, новая форма была только слѣдствіемъ новаго содержанія, *содержаніе же это* (въ „Письмахъ русскаго путешественника“) *также создало собой эпоху*. Обратимся же къ „Письмамъ“ Карамзина и посмотримъ въ чемъ главное ихъ содержаніе, характеризующее собою сентиментализмъ; посмотримъ, почему эти „Письма“—„произведеніе великое“, по мнѣнію того же Бѣлинскаго.

„Письма русскаго путешественника“ — произведеніе постольку „велико“, поскольку глубоко „*гуманическое*“, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; всякій иной масштабъ обращаетъ эти „Письма“ въ легкую болтовню о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ.

Двадцатилѣтній Карамзинъ вынесъ изъ своего путешествія *чисто внѣшнія впечатлѣнія* и вернулся домой съ тѣмъ же нравственнымъ багажемъ, съ которымъ и уѣхалъ въ путешествіе. Онъ посѣщалъ музеи, театры, сады, знакомился съ выдающимися литературными и общественными дѣятелями Запада, изумлялся, благоговѣлъ, проливалъ нѣжныя слезы въ объятіяхъ Натуры—и тщательно заносилъ все это въ свою записную книжку. Онъ „обогащалъ свой умъ“ бесѣдами съ Кантомъ, Виландомъ, Лафатеромъ, Платнеромъ, Гердеромъ, но къ этимъ бесѣдамъ Карамзина побуждало только одно любопытство и желаніе „имѣть въ душѣ своей образъ“ европейской знаменитости; неудивительно послѣ этого, что съ Кантомъ Карамзинъ ведетъ разговоръ о Китаѣ (!) и добродушно сознается что въ Кантѣ „все просто, кромѣ... его Метафизики“ (письмо отъ 19 іюня 1789 г.)... Всѣ впечатлѣнія ложились поверхностными штрихами на неглубокую душу Карамзина; достаточно указать на тотъ фактъ, чрезвычайно для насъ интересный, что, пробывъ въ Парижѣ съ марта по іюль 1790 г., т.-е. въ самый разгаръ великой революціи, онъ заполняетъ свои письма описаніемъ различныхъ садовъ и музеевъ и только передъ самымъ отъѣздомъ удосуживается побывать въ Національномъ Собраніи. Интересно, что Національное Собраніе оставило на Карамзинѣ слѣдующее впечатлѣніе: „вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе риторы говорятъ краснорѣчиво“... И только! Стоило ли ѣздить такъ далеко, чтобы обогатить свой умъ и сердца читателей

такими мизерными впечатлѣніями отъ міровыхъ историческихъ событій?

Если мы подробно изучимъ „Письма русскаго путешественника“ *съ такой точки зрѣнія*, то неизбѣжно придемъ къ вполнѣ справедливому заключенію, что *сентиментализмъ Карамзина представляетъ изъ себя явно регрессивное движеніе въ области интеллектуальнаго развитія русской интеллигенціи.* Нечего и сравнивать Карамзина съ такими выдающимися представителями русской интеллигенціи, какъ Новиковъ или Радищевъ, нечего и сравнивать по глубинѣ мысли „Путешествіе“ послѣдняго съ поверхностной болтовней русскаго путешественника въ его письмахъ: достаточно сравнить письма Карамзина съ письмами изъ-за границы Фонвизина, побывавшаго въ тѣхъ же краяхъ незадолго до Карамзина. Письма Фонвизина несравненно глубже и серьезнѣе, взгляды шире и опредѣленнѣе; онъ описываетъ политическое состояніе Франціи, отмѣчаетъ общественныя настроенія, сравниваетъ сопоставляетъ, выводитъ заключенія. И все-таки письма Фонвизина имѣютъ самое минимальное историко-литературное значеніе, въ то время какъ письма Карамзина создали не только литературную, но и идеологическую эпоху.

Прежде всего надо отмѣтить, что если Карамзинъ сдѣлалъ большой шагъ назадъ въ области общественно-интеллектуальной эволюціи русской интеллигенціи, то *одновременно онъ далеко шагнулъ впередъ въ области созданія новыхъ обширныхъ круговъ этой интеллигенціи въ области созидательной пропаганды.* При низкомъ уровнѣ развитія читающей публики только поверхностное, не глубокое, но въ то же время „занимательное“ произведеніе могло широко разойтись по читающей Россіи. Мы уже отмѣтили роль Карамзина въ области созданія кадровъ новой интеллигенціи и значеніе его стилистической реформы; теперь буквально то же самое можно повторить и о содержаніи, вложенномъ въ новыя формы. Но такое *педагогическое значеніе сентиментализма* должно быть отмѣчено только мимоходомъ; основной вопросъ заключается *во внутреннемъ смыслѣ этого литературнаго теченія*, и выше мы уже указали, съ какимъ масштабомъ слѣдуетъ подходить къ Карамзину, чтобы составить вѣрное понятіе о значеніи сентиментализма.

Сентиментализмъ, сказали мы, есть теченіе *„гуманическое“*, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова: *въ сентиментализмѣ*

впервые реальная личность выступаетъ впередъ изъ-за абстрактнаго человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ *сентиментализмъ въ высокой степени синтетиченъ* и въ этомъ отношеніи вполнѣ противоположенъ аналитическому характеру раціоналистическихъ литературныхъ теченій XVIII-го вѣка. Въ этихъ двухъ пунктахъ, по нашему мнѣнію, выражена основная идеологическая сущность сентиментализма.

Начнемъ съ синтетической тенденціи этого направленія. И русскій, и западно-европейскій сентиментализмъ былъ реакціей не только противъ ложно-классицизма, о чемъ рѣчь будетъ далѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ *и противъ того раціналистическаго направленія*, которое господствовало въ XVIII-мъ столѣтіи. Русскій сентиментализмъ не могъ быть рѣзко анти-раціоналистичнымъ, подобно западному, уже по одному тому, что у насъ не было рѣзко выраженнаго раціонализма: наши „вольтерьянцы", чаще всего принадлежавшіе къ аристократіи, не входили въ составъ интеллигенціи, а раціонализмъ возникающей интеллигенціи стыдливо драпировался въ складки полу-мистическаго, полу-раціоналистическаго масонства. Поэтому и русскій сентиментализмъ не былъ воинственно анти-раціоналистическимъ (отмѣтимъ въ скобкахъ, что самъ Карамзинъ, членъ масонскаго общества, относился вполнѣ враждебно къ мистицизму); однако *нельзя не видѣть реакціи противъ раціонализма въ томъ отношеніи къ окружающему міру, какое проявилъ сентиментализмъ въ провозглашеніи примата чувства надъ разумомъ, сердца надъ умомъ.*

Сентиментализмъ не разсѣкаетъ, не анализируетъ, не разлагаетъ сложныя окружающія явленія на составныя части, но, наоборотъ, *стремится соединить ихъ въ одно, обнять ихъ единымъ порывомъ чувства.* Здѣсь кроется разгадка того чуткаго и любовнаго отношенія къ природѣ, которое характерно для сентиментализма; мѣсто ложно-классическаго шаблона, холодной напыщенности и ходульности заступаетъ *человѣческое* отношеніе къ окружающему міру, простое и искреннее восхищеніе самыми обыденными картинами окружающей природы. „Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою зеленою травою и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревами. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ и вспомнилъ одинъ московскій вечеръ, въ который, гуляя съ П(етровымъ) подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ

отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце" (письмо отъ 1 іюня 1789 г.). Это новыя мысли, новыя чувства, новыя воспріятія: Карамзинъ способенъ „съ отмѣннымъ удовольствіемъ" любоваться переливами красокъ заката и передавать читателю эти свои простыя, человѣческія „чувства изящнаго", въ то время какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ на ту же тему мы слышали только холодныя, напыщенныя восклицанія въ родѣ:

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь

и т. п.

Въ сентиментализмѣ передъ нами синтезъ всего въ единомъ чувствѣ, простое человѣческое отношеніе ко всему окружающему; любовное отношеніе къ природѣ сквозитъ повсюду, вездѣ слышится чуткое пониманіе и умѣніе искренно наслаждаться „прелестной Натурой" (см. письма отъ 12 іюля; 2, 9, 14 авг.; 26 авг.— 10 сент.; 8 ноября 1789 г. и др.).

Карамзинъ не любитъ пышныхъ, „ложно-классическихъ" садовъ такъ называемаго ленотровскаго типа (Версаль), не любитъ искусственныхъ пригорковъ и каскадовъ, размѣренныхъ и подстриженныхъ аллей: „не ищите природы въ садахъ Версальскихъ", говоритъ онъ, признавая за этими садами „холодное великолѣпіе", и сейчасъ же восхищается „милымъ" садомъ Тріанона, въ которомъ „нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ безпорядокъ, простота и красоты сельскія" (іюнь, 1790 г.). Для знакомства съ окружающей „Натурой" Карамзинъ идетъ не въ Ботаническій садъ (какъ это сдѣлаетъ впослѣдствіи въ Капштадтѣ мѣщанинъ Гончаровъ), но уходитъ для этого изъ города: „въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на траву бальзамическаго луга, наслаждался утромъ—и былъ щастливъ!" (письмо отъ 17 іюля 1789 г.).

Во всемъ этомъ мы видимъ тѣ два характерныхъ признака сентиментализма, которые были отмѣчены нами выше: во-первыхъ, *синтетичность и признаніе примата чувства*, во-вторыхъ, *выступленіе на первый планъ реальной личности*. Послѣднее мы должны особенно подчеркнуть, ибо въ этомъ выставленіи впередъ человѣческой личности и заключается главная интересующая насъ сторона сентиментализма, его яркое и сильное „гуманическое" направленіе.

„*Всѣ люди—братья*“. Это проповѣдуемое сентиментализмомъ положеніе выясняетъ, что связь между „Путешествіемъ“ Радищева и „Бѣдной Лизой“ Карамзина болѣе глубока, чѣмъ полагаютъ обыкновенно: *признаніе человѣческаго достоинства въ каждомъ индивидуумѣ—вотъ связующее ихъ звено, вотъ основной принципъ сентиментализма.*

„...Познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ, называется братъ мой“: этими словами Достоевскаго (по поводу сентиментальнаго произведенія его юности, „Бѣдныхъ людей“) лучше всего характеризуется святая святыхъ и Радищева и Карамзина. То самое, что Радищевъ выводилъ изъ принциповъ естественнаго права, Карамзинъ переживалъ непосредственнымъ чувствомъ (не забудемъ однако, что и у Радищева „душа страданіями человѣчества уязвленна стала“); оба они близки къ величайшему требованію этики *о самоцѣльности человѣческой личности.*

Сентиментализмъ явился первой ступенью къ этическому индивидуализму, и недаромъ величайшій этическій индивидуалистъ русской (а быть можетъ и всемірной) литературы, Достоевскій, началъ свои первые шаги съ типично-сентиментальнаго произведенія (конечно, написаннаго уже въ реалистическихъ формахъ).

Мы не хотимъ этимъ сказать, что Карамзинъ былъ хотя бы въ малѣйшей степени сознательнымъ этическимъ индивидуалистомъ: отъ принципа „всѣ люди—братья“ до нормы „человѣкъ—самоцѣль“—дистанція огромнаго размѣра; вспомнимъ, что типичный общественникъ, Фонвизинъ, проповѣдуя всеобщее братство людей, въ то же время не задумываясь жертвовалъ одной частью государства для блага другой. У автора „Писемъ русскаго путешественника“ и „Бѣдной Лизы“ не было подобныхъ анти-индивидуалистическихъ тенденцій, но, конечно, не было и сколько-нибудь ясно выраженнаго этическаго индивидуализма; сентиментализмъ только *по общему своему духу и направленію* является предтечей индивидуализма въ этикѣ.

„Человѣкъ великъ духомъ своимъ“—говоритъ Карамзинъ („Переписка Мелодора и Филалета“, 1795 г.), и это признаніе абсолютнаго значенія человѣческой личности, характерное для сентиментализма, сближаетъ его съ индивидуализмомъ, признающимъ за личностью суверенныя права на собственное „я“.

Во всякомъ случаѣ личность стояла для Карамзина впереди всего; правда, онъ заявляетъ, что „человѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ природою составляетъ онъ цѣлое“, но это показываетъ только, какъ далекъ былъ Карамзинъ отъ того наивнаго соціологическаго номинализма, въ которомъ до извѣстной степени былъ грѣшенъ раціоналистическій XVIII-ый вѣкъ и который можетъ быть удѣломъ только самаго необузданнаго ультра-индивидуализма. Въ то же самое время Карамзинъ всегда ставилъ личность выше общества, выше народа, выше національности, „гуманическіе“ принципы брали верхъ надъ всѣмъ: „все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*,—подчеркиваетъ онъ:—главное быть *людьми*, а не Славянами“.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія „Письма русскаго путешественника“ дѣйствительно „произведеніе великое“, ибо насквозь проникнутое „гуманическими“ идеалами; сентиментализмъ есть теченіе дѣйствительно замѣчательное и имѣющее глубокое значеніе, ибо служащее первой ступенью къ этическомъ индивидуализму. *Сентиментализмъ впервые подошелъ къ реальному человѣку отъ человѣка-интеграла,* Человѣка съ большой буквы, и въ то же время былъ далекъ отъ того наивнаго эпикуреизма, съ какимъ относилась къ реальной личности поэзія Державина. Конечно, „реальная личность“ сентиментализма очень часто является вполнѣ анти-реалистическимъ построеніемъ; такъ, напримѣръ, всѣ эти персонажи пасторальныхъ идилій, всѣ эти пейзане сентиментализма *не имѣютъ въ себѣ ни единаго зерна реальной дѣйствительности.* „Здравствуй, любезный пастушокъ! Куда гонишь ты стадо свое? и здѣсь растетъ зеленая трава для овецъ твоихъ, и здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ которыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей“... („Бѣдная Лиза“, 1792 г.): таковъ, по мнѣнію Карамзина, языкъ, которымъ ведутъ разговоры другъ съ другомъ добродѣтельные россійскіе пейзане и пейзанки. Гдѣ же тутъ выставленіе впередъ „реальной личности?“ Читатель самъ легко рѣшитъ такой вопросъ, если вспомнитъ значеніе этого условнаго термина: подъ реальной личностью мы понимаемъ отнюдь не реалистическій типъ, а индивидуальнаго человѣка,—человѣка, взятаго съ точки зрѣнія его личныхъ, непосредственныхъ переживаній; въ сентиментализмѣ же именно эти *непосредственныя переживанія индивидуума ставятся на первое*

мѣсто, въ чемъ и состоитъ „гуманическая“ тенденція этого направленія. Какая-нибудь бѣдная Лиза, конечно, не реальный типъ, но она трогаетъ и интересуетъ Карамзина только какъ реальная личность: ея личныя радости и горести, ея непосредственныя чувства, — вотъ что берется авторомъ во главу угла. И вотъ здѣсь-то заключается главная разница между сентиментализмомъ Карамзина и общественностью интеллигенціи XVIII-го вѣка.

Центромъ вниманія Радищева или Новикова былъ абстрактный человѣкъ, человѣкъ, какъ отвлеченіе правовыхъ (но не этическихъ) нормъ; реальная личность стояла для нихъ гдѣ-то на второмъ планѣ, въ тѣни. Такимъ образомъ еще въ XVIII-мъ вѣкѣ совершилось полу-догматическое расчлененіе общества и личности въ міровоззрѣніи русской интеллигенціи; сентиментализмъ въ этомъ отношеніи былъ реакціей крайностямъ общественнаго теченія, но самъ впалъ въ противоположную крайность, и, выставляя на первый планъ реальную личность, совершенно обходилъ общество. *Сентиментализмъ не только совершилъ переходъ отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности, но и порвалъ всякія связи съ абстрактнымъ человѣкомъ.*

Было бы поспѣшнымъ заключать отсюда, что сентиментализмъ былъ теченіемъ реакціоннымъ: какъ разъ наоборотъ, въ тяжелый періодъ реакціи 1790—1801 гг., совпавшей съ расцвѣтомъ сентиментализма, послѣдній былъ въ литературѣ главной плотиной противъ реакціоннаго потока; вокругъ Карамзина собрались всѣ лучшія молодыя силы новыхъ круговъ интеллигенціи; знаменитая „Ода къ Милости“ Карамзина (1792 г.) была произведеніемъ смѣлымъ и рискованнымъ по тому времени. Положимъ, и время это было такое, что если бы Карамзинъ замолчалъ, то камни бы возопили. Во всякомъ случаѣ сентиментализмъ въ лучшую пору своей дѣятельности не былъ реакціоннымъ; зато надо указать, что девизомъ его всегда было постепеновство и что мало-по-малу онъ переходилъ отъ него къ индифферентизму, квіетизму и теоріямъ самосовершенствованія. Карамзинъ не отрицаетъ, какъ мы видѣли, что самъ по себѣ человѣкъ есть только фрагментъ, что полнаго развитія онъ достигаетъ только въ обществѣ, но въ то, же время онъ боязливо избѣгаетъ мысли о правахъ общества о правахъ абстрактнаго человѣка. По его мнѣнію, „всякое

гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку"...

Типичный постепеновецъ, Карамзинъ любитъ часто противопоставлять бурямъ революціи тихое „царство счастія", достигаемое посредствомъ „медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ"...

Отъ постепеновства онъ вполнѣ послѣдовательно переходитъ къ теоріямъ *самосовершенствованія* и утверждаетъ, что „когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни"... („Письма русск. пут.", апрѣль 1790 г. и др.).

Не то ли же самое говорила Екатерина II устами Патрикея Правдомыслова: „любезные сограждане! перестанемъ быти злыми"—и наступитъ вѣкъ златой?!.

Въ Карамзинѣ такое постепеновство несравненно законченнѣе и логичнѣе: бывшему масону, твердо впитавшему въ себя идею самосовершенствованія, вполнѣ естественно быть постепеновцемъ, тѣмъ болѣе что постепеновство и самосовершенствованіе логически связаны между собой. *Проповѣдью самоусовершенствованія, какъ панацеи соціальныхъ золъ, Карамзинъ толкнулъ сентиментализмъ на путь этико-соціологическаго номинализма и ультра-индивидуализма*, ибо только крайнее презрѣніе къ абстрактному человѣку и своеобразное идолопоклонство передъ реальной личностью могутъ привести къ мысли о возможности общественно-политической эволюціи путемъ усовершенствованія отдѣльныхъ индивидовъ.

Но Карамзинъ пошелъ еще дальше этого: постепеновство и теорія самосовершенствованія привели его въ концѣ-концовъ къ самому безнадежному *квіетизму*; онъ сталъ и въ прозѣ и въ стихахъ взывать къ добродѣтельнымъ читателямъ:

Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ.

Это его двустишіе можетъ быть взято эпиграфомъ къ главному труду его жизни, къ „Исторіи Государства Россійскаго"; цѣлью исторіи Карамзинъ ставитъ то, чтобы изученіе ея мирило насъ „съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ"...

Останавливаться на этомъ намъ нѣтъ надобности: это уже вырожденіе сентиментализма; можно только вспомнить мимоходомъ великолѣпную отповѣдь Карамзину Н. Муравьева въ особой рукописной запискѣ (издана Погодинымъ), и ядовитое четверостишіе Пушкина на „Исторію Государства Россійскаго“.

Здѣсь уже сентиментализмъ дѣлается *и литературно и общественно реакціоннымъ теченіемъ* и мало-по-малу уступаетъ первое мѣсто болѣе жизненнымъ направленіямъ. Но остановимся еще на одной чрезвычайно важной сторонѣ сентиментализма—выяснимъ его отношеніе къ мѣщанству вообще и къ эпохѣ литературнаго мѣщанства въ частности.

Сентиментализмъ впервые началъ сознательную борьбу съ литературнымъ мѣщанствомъ—и въ этомъ еще одна его большая заслуга въ исторіи русской культуры.

Ложно-классицизмъ былъ направленіемъ наиболѣе ненавистнымъ сентиментализму; они діаметрально противоположны по средствамъ, цѣлямъ, идеаламъ. Цѣль всевдо-классицизма—поразить, его средство — напыщенный драматизмъ, его идеалъ—героическій; цѣль сентиментализма—тронуть, его средство — простота чувства, его идеалъ — гуманистическій. Неудивительно поэтому, что у Карамзина мы встрѣчаемъ попытку низведенія псевдо-классической трагедіи съ ея пьедестала.

„Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ,—пишетъ онъ изъ Парижа:—она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова“... Французскимъ трагедіямъ онъ удивляется „по большей части съ холоднымъ сердцемъ“... „Соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, быть можетъ, ни двухъ истинныхъ трагедій“ — заявляетъ онъ, и тутъ же восхищается „Королемъ Лиромъ“. Вообще по его мнѣнію французскія трагедіи, образцовыя по „искусству письма“, должны по глубокому „чувству Натуры“ уступить пальму первенства драмамъ Шекспира, трагедіямъ Лессинга и Шиллера и... *„мѣщанскимъ драмамъ“* „господина Коцебу, Ревельскаго жителя“... (Письма русск. пут.“, 29 апр. 1790 г.; 2 іюля 1789 г. и др.).

Курьезное сопоставленіе именъ, но совершенно вѣрное противопоставленіе фактовъ: *пользуемся случаемъ подчеркнуть*

глубочайшее анти-мѣщанское значеніе такъ называемой „мѣщанской драмы“, сентиментализма въ драматической формѣ.

Одновременно съ нарушеннымъ равновѣсіемъ сословныхъ слоевъ въ эпоху великой французской революціи, ложно-классическая трагедія была отодвинута на задній планъ „мѣщанской драмой“, параллельно съ выступленіемъ буржуазіи, tiers-état, передъ высшимъ дворянствомъ, аристократіей. Поэтому несомнѣнно, что *„мѣщанская драма“ была сословно-мѣщанской*, но настолько же несомнѣнно, что *въ то же время она была литературно анти-мѣщанской*: она была протестомъ противъ узкихъ, заледенѣлыхъ формъ псевдо-классицизма.

Мѣщанская драма, вскорѣ выродившаяся въ ультра-сентиментальную мелодраму, была и на Западѣ и въ Россіи однимъ изъ проявленій сентиментализма, объявившаго войну шаблонному литературному мѣщанству.

Въ этой борьбѣ съ литературнымъ мѣщанствомъ сентиментализмъ былъ ярко-прогрессивнымъ направленіемъ; подъ знаменемъ „борьбы съ мѣщанствомъ“ соединилось все молодое, свѣжее, живое. Результаты этой борьбы учитываетъ исторія литературы: какъ извѣстно, псевдо-классицизмъ былъ разбитъ наголову и сентиментализмъ побѣдителемъ сталъ на развалинахъ мертваго и сухого литературнаго мѣщанства.

Сентиментализмъ былъ однако не только литературно, но и *этически* анти-мѣщанскимъ направленіемъ: это вполнѣ послѣдовательно вытекало изъ его постоянной вражды къ регламентаціи, къ холодной напыщенности, къ размѣренности и шаблону. Характерный примѣръ: мы уже видѣли, какъ равнодушно проходитъ Карамзинъ мимо „холоднаго великолѣпія“ версальскихъ садовъ и какъ онъ цѣнитъ „милый“ садъ Тріанона за его близость къ жизненной правдѣ; вообще, по мнѣнію Карамзина, мѣщанскія, ложно-классическія, „французскія румяны человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны“... („Письма русск. пут.“, отъ 2 іюля 1789 г.). Обобщая это и на нравственный міръ человѣка, мы должны будемъ признать, что и въ этой области сентиментализмъ явился въ высокой степени анти-мѣщанскимъ; для насъ особенно интересно то, что самъ Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ небольшихъ очерковъ противопоставилъ сентиментализмъ мѣщанству (конечно, не пользуясь такой терминологіей).

Въ очеркѣ „Чувствительный и холодный“ (1803 г.) мы

имѣемъ передъ собой двухъ друзей: Эрастъ — представитель сентиментализма, съ нѣкоторой примѣсью зарождающагося романтизма; Леонидъ — яркій типъ мѣщанства, впервые появляющагося съ такой опредѣленностью въ русской литературѣ.

У Эраста — „чувствительное сердце“ и въ то же время „небольшой примѣсъ безразсудности“, а также и вѣчная неудовлетворенность; въ Леонидѣ мы находимъ всѣ главныя черты этическаго мѣщанства, распустившіяся впослѣдствіи такимъ пышнымъ цвѣтомъ у вѣрныхъ сыновъ эпохи оффиціальнаго и эпохи общественнаго мѣщанства (мы говоримъ о пятидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка).

Основное свойство Леонида — *„благоразуміе“*; основное его желаніе—*быть какъ всѣ*; на его мнѣніяхъ должно лежать клеймо общественнаго одобренія; на его требованіяхъ къ жизни видна вся его обыденная трафаретность. Свои мысли Леонидъ выражаетъ чаще всего шаблонными афоризмами, представляющими изъ себя nec plus ultra мѣщанской истины. Напримѣръ: „служба есть у насъ вѣрнѣйшій путь къ уваженію, а чины— ходячая монета“... „Всего вѣрнѣе идти въ свѣтѣ большою дорогою и запасаться такими деньгами, которыя вездѣ принимаются“... „Не презирай нижнихъ ступеней лѣстницы: онѣ ведутъ къ верхней“... „Никакіе таланты не возвысятъ человѣка въ государствѣ безъ угожденія людямъ“ и т. п.... И онъ всегда и во всемъ вѣренъ своей мѣщанской философіи: тянетъ чиновничью лямку, ибо знаетъ, что „благоразумному человѣку надобно въ жизни заниматься дѣломъ“ (вѣдь „надо дѣло дѣлать“—излюбленный кличъ мѣщанства, начиная съ Леонида, проходя черезъ Штольца и Соломина, кончая профессоромъ изъ чеховскаго „Дяди Вани“). Какъ истый мѣщанинъ, Леонидъ типичный и крайній эгоистъ (подъ эгоизмомъ мы понимаемъ ту этическую систему, девизомъ которой является признаніе человѣка средствомъ, а самого себя—цѣлью; нечего и доказывать, что такимъ образомъ эгоизмъ есть полная противоположность этическому индивидуализму, принципомъ котораго является „человѣкъ-самоцѣль“). Леонидъ твердо увѣренъ, что „человѣкъ созданъ думать сперва о себѣ, а тамъ о другихъ; иначе нельзя стоять свѣту“, что „все для человѣка, а человѣкъ только для самого себя“... Вся его жизнь — проведеніе въ дѣло всѣхъ этихъ мѣщанскихъ принциповъ, убѣжденій и

истинъ; даже женится онъ для того, „чтобы избавить себя отъ хозяйственныхъ заботъ. Женщина нужна для порядка въ домѣ“...

Съ такой удивительной для своего времени полнотой обрисовываетъ Карамзинъ *типичнаго мѣщанина*, предтечу грядущаго этическаго мѣщанина среди русской интеллигенціи. Въ чью сторону склонялись симпатіи родоначальника русскаго сентиментализма, въ сторону „чувствительнаго“ сентименталиста или „холоднаго“ мѣщанина—это ясно безъ словъ; интересна та язвительность, съ которой Карамзинъ отнесся къ Леониду подъ видомъ самаго почтительнаго къ нему отношенія, и только въ трехъ-четырехъ строкахъ отъ лица автора вскрывается его отрицательное отношеніе къ благоразумному мѣщанину: „равнодушные люди—говоритъ Карамзинъ—бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе въ свѣтѣ, менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разсматриваютъ гармонію общества, но одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами“ [1]).

Итакъ, *этическое мѣщанство настолько же отталкивало Карамзина, насколько притягивалъ его этическій индивидуализмъ*; въ борьбѣ съ первымъ и въ приближеніи ко второму онъ сдѣлалъ только первые шаги, но и эти робкіе первые шаги были для того времени громаднымъ шагомъ впередъ. Индивидуализмъ проявился у него въ формѣ гуманизма, мѣщанство было имъ осуждено за свое размѣренное, холодное благоразуміе. Чувствовалъ ли Карамзинъ всю гнетущую тягость *обыденности* мѣщанства, что впослѣдствіи такъ сильно сказалось въ западноевропейскомъ романтизмѣ? Едва ли.

Правда, вліяніе „господина Жанъ-Жака Руссо“, разбавленнаго Стерномъ и Ричардсономъ, отразилось *на отрицательномъ отношеніи сентиментализма къ цивилизаціи*, къ культурѣ въ ея современныхъ формахъ; но это отрицательное отношеніе было *чисто-платоническимъ*. „Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка... Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ!..“ Такъ восклицаетъ Карамзинъ и повидимому искренне.

[1]) Интересно отмѣтить, что фраза эта является почти дословнымъ переводомъ одного мѣста изъ „Антропологіи“ Канта.

Однако стоитъ только вмѣсто златого вѣка, „когда всѣ люди были пастухами и братьями“ (интересно, что къ этой фразѣ самъ Карамзинъ дѣлаетъ скептическое примѣчаніе: „когда же?“), стоитъ только, говоримъ мы, поставить передъ нашимъ сентименталистомъ нѣчто болѣе реальное, чтобы заставить его немедленно ухватиться за всѣ блага современной культуры и открещиваться отъ прелестей первобытнаго состоянія.

Мы не таковы, какъ брадатые предки наши, — заявляетъ съ полной искренностью Карамзинъ: — тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи“... („Письма русск. пут.“, авг.—сент. 1789 г., май 1790 г.). Сентиментализмъ платонически вздыхалъ о златомъ вѣкѣ, но *легко мирился со всѣми недостатками мѣщанскихъ формъ современной культуры; обыденность* мѣщанства не тяготила его. Онъ боролся съ мѣщанствомъ только какъ съ узкими литературными формами, только какъ съ сухимъ благоразуміемъ жизни; онъ боролся за индивидуализмъ только какъ за гуманизмъ, его всегда интересовало „человѣческое, слишкомъ человѣческое“, ибо, по словамъ Карамзина, „что человѣку занимательнѣе самого себя?“ Дальше этого сентиментализмъ не пошелъ, но и этихъ заслугъ достаточно, чтобы признать его значеніе громаднымъ не только въ исторіи русской литературы, но и въ исторіи эволюціи русской интеллигенціи.

Дальнѣйшее развитіе сентиментализма является уже его разложеніемъ. Слабыя стороны сентиментализма, отмѣченныя нами еще у Карамзина, достигаютъ уродливыхъ размѣровъ у ультра-сентименталистовъ и являются главнымъ содержаніемъ ихъ произведеній. Слезоточивая чувствительность разныхъ Шаликовыхъ, которые только и заняты тѣмъ, что безпричинно льютъ сладчайшія слезы, „съ тихой меланхоліей пьютъ въ вечернемъ воздухѣ спасительныя струи Леты“ и „говорятъ „прости“ миловидному (!) солнцу“—заполняютъ собою всю русскую литературу перваго десятилѣтія XIX-го вѣка (Шаликовъ, „Путешествіе въ Малороссію“, 1808 г.); ультра-сентиментализмъ вырабатываетъ себѣ трафаретныя формы и становится шаблоннымъ по содержанію. Такимъ образомъ *выродившійся сентиментализмъ обратился въ литературно-этическое мѣщанство.* Въ эту эпоху зарождается въ русской литературѣ непосред-

ственный преемникъ сентиментализма въ борьбѣ за индивидуализмъ и противъ мѣщанства; мы говоримъ про то направленіе, которое обыкновенно носитъ названіе романтизма.

Ивановъ-Разумникъ.

Введеніе Карамзинымъ сентиментализма въ русскую литературу.

Введеніе сентиментализма въ нашу литературу, объясняется, съ одной стороны, природной наклонностью Карамзина ко всему чувствительному, а съ другой—господствомъ того же направленія въ литературѣ западной.

Чувствительность, по его понятію, долженствовала быть необходимымъ качествомъ писателя; однихъ талантовъ и знаній недостаточно: нужно по преимуществу имѣть доброе, нѣжное сердце. „Ты хочешь быть авторомъ?“, говоритъ Карамзинъ въ статьѣ „Что нужно автору“?: „читай исторію рода человѣческаго; и если сердце твое не обольется кровью,—оставь перо, или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей“.—

Сентиментальное направленіе выразилось прежде всего въ „Письмахъ русскаго путешественника“ и въ двухъ повѣстяхъ: „Бѣдная Лиза“ и „Наталья боярская дочь“, но оно болѣе или менѣе выступаетъ и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, не исключая „Исторіи Государства Россійскаго.

Образцомъ „Писемъ“ нашего путешественника служило путешествіе англійскаго юмориста Стерна, который назвалъ его „сентиментальнымъ“, потому что оно описываетъ не столько внѣшній міръ, имъ видѣнный, сколько его *собственный, внутренній міръ—впечатлѣнія и чувства.* Это, говоря его словами, *„путешествіе сердца къ природѣ и такимъ ощущеніямъ, которыя проистекаютъ изъ нея и побуждаютъ насъ любить ближнихъ и даже цѣлый міръ больше, нежели мы обыкновенно его любимъ“.*

Такъ поступаетъ и Карамзинъ, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что *у него нѣтъ юмористическаго чувства,* которымъ въ высокой степени обладалъ Стернъ.

Природа и люди, съ которыми встрѣчался Карамзинъ, давали ему поводъ къ изліянію своихъ чувствъ.

Первое письмо есть прозаическая элегія на разлуку съ друзьями и домашними, при отъѣздѣ за границу.

Наиболѣе сильное сентиментальное настроеніе возбудилось въ Швейцаріи: она плѣнила Карамзина, какъ царство наивной жизни, согласной съ природой; въ ней онъ видѣлъ новую Аркадію, осуществленіе мечты о невозмутимомъ счастіи пастуховъ и пастушекъ: „для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ—наслаждались люди и тогда, еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовью, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы".

Изъ этой-то области чувствительнаго заимствованъ сюжетъ повѣсти *„Бѣдная Лиза"*, прославившей автора и сдѣлавшей его любимцемъ публики.

Въ настоящее время трудно представить себѣ силу впечатлѣнія, произведеннаго небольшимъ разсказомъ, въ которомъ нѣтъ ничего особеннаго ни по интригѣ. ни по развитію чувствъ. Симоновъ монастырь съ его окрестностями, гдѣ жила Лиза съ матерью, сталъ для москвичей мѣстомъ мечтательныхъ прогулокъ; посѣтители и посѣтительницы, гуляя по берегу пруда, въ который съ тоски и отчаянія бросилась героиня, вздыхали о несчастной судьбѣ ея и вырѣзывали буквы именъ Л. Э. (Лиза и Эрастъ) на прибрежныхъ березахъ; стихотворцы славили автора или писали стихи „Къ праху бѣдной Лизы".

Такой необычайный успѣхъ объясняется тѣмъ, что повѣсть была первымъ произведеніемъ въ новомъ направленіи повѣствовательной поэзіи.

Существовавшіе до того времени романы относились большею частію къ разряду *героическихъ сказаній*; въ нихъ выводились *баснословныя и древне-историческія личности*, не похожія на обыкновенныхъ смертныхъ ни породой своей, ни духовными и тѣлесными силами.

Къ такимъ романамъ принадлежали, напримѣръ, изъ переводныхъ: „Телемакъ", „Кіропедія", „Жизнь царя египет-

скаго Сиѳа", „Похожденія Ахиллесова сына Неоптолема", изъ оригинальныхъ: „Кадмъ и Гармонія", „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи" (Хераскова), „Приключенія Ѳемистокла" (Ѳ. Эмина).

Карамзинъ низвелъ вымыселъ изъ недоступнаго героическаго міра въ среду обыкновенной, ежедневной и всѣмъ понятной жизни.

Много значило также соблюденіе, до извѣстной степени, *національнаго колорита*: мѣсто дѣйствія близъ Москвы; Симоновъ монастырь съ его окрестностями описанъ вѣрно; Эрастъ, добросердечный, но вѣтреный и слабохарактерный, легко могъ встрѣчаться въ кругу тогдашней молодежи; крестьянка Лиза, по мыслямъ и чувствамъ, вышла выше своего состоянія, но такая идеализація сообщила ей, во мнѣніи тогдашнихъ читателей, особенную цѣну.

Но главнымъ своимъ успѣхомъ повѣсть одолжена выраженнымъ въ ней общечеловѣческимъ элементамъ: читатели сострадали бѣдной Лизѣ, какъ человѣку; они становились на ея сторону; никто съ гуманной точки зрѣнія не думалъ оправдывать Эраста.

Сюжетъ другой повѣсти, „Наталья, боярская дочь" взятъ изъ русской старины (XVII в.) и также направленъ къ возбужденію чувствительности.

Предполагая, что читатели усомнятся въ быстро зародившейся „симпатіи сердецъ, другъ для друга сотворенныхъ" (Алексѣя и Натальи), Карамзинъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая назначается для однѣхъ чувствительныхъ душъ".

Впослѣдствіи литературный сентиментализмъ былъ опошленъ неразумными поклонниками Карамзина, доведенный ими до мелкой, приторной чувствительности (sensiblerie), такъ что самое слово утратило свой прежній смыслъ и обратилось изъ похвалы въ порицаніе.

Но въ свое время онъ имѣлъ несомнѣнное значеніе, былъ нуженъ и необходимъ какъ средство, смягчающее грубость нравовъ, которая господствовала даже среди такъ называвшагося образованнаго общества.

Долгъ литератора состоялъ въ томъ, чтобы читателямъ давать примѣры сердечныхъ привязанностей, состраданія къ

несчастнымъ, нѣжности и деликатности чувствъ, гуманнаго обращенія съ низшими, благоволенія ко всѣмъ.

Карамзинъ исполнилъ этотъ долгъ, сообщивъ литературѣ своей эпохи *филантропическое* направленіе.

А. Галаховъ.

„Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“.

„*Бѣдная Лиза*“. Содержаніе этой знаменитой повѣсти чрезвычайно просто, чтобы не сказать бѣдно.

Въ Москвѣ, недалеко отъ Симонова монастыря, подлѣ березовой рощи, среди зеленаго луга, стояла бѣдная хижина, въ которой жила *прекрасная Лиза* съ своей матерью старушкой.

Отецъ Лизы былъ довольно „зажиточный поселянинъ“. Но когда онъ умеръ, то мать и дочь обѣднѣли. Лиза кормила мать своими трудами, она ткала холсты, вязала чулки, весною собирала цвѣты, а лѣтомъ ягоды, и ходила въ городъ продавать ихъ. „Богъ далъ мнѣ руки,—говорила она,—чтобы работать; ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки“.

Однажды Лиза, продавая въ Москвѣ ландыши, на улицѣ встрѣтила молодого человѣка, который, покупая у нея цвѣты, обратилъ на нее особенное вниманіе и спросилъ, гдѣ она живетъ; вмѣсто пяти копеекъ онъ давалъ ей за цвѣты рубль; но она не взяла его.

Молодой человѣкъ такъ ей понравился, что на другой день, нарвавъ самыхъ лучшихъ ландышей, она ужъ искала его въ Москвѣ, другимъ не хотѣла продавать своихъ цвѣтовъ, и когда не нашла его, то бросила ихъ въ рѣку. Между тѣмъ, на другой день вечеромъ, молодой человѣкъ самъ пришелъ въ хижину Лизы и спросилъ напиться; ему принесли молока. Онъ познакомился съ матерью Лизы и понравился ей.

„Мнѣ хотѣлось бы,—сказалъ онъ матери,—чтобы дочь твоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ, ей незачѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ буду заходить къ вамъ“.

Старушка съ охотою приняла его предложеніе, увѣряя его, что полотно, вытканное, и чулки, связанные Лизой, бываютъ отмѣнно хороши и носятся дольше всякихъ другихъ.

Молодой человѣкъ сталъ часто бывать у нихъ. Его звали Эрастомъ. Это былъ „довольно богатый дворянинъ, съ изрядным разумомъ и добрымъ сердцемъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою". Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало".

Молодые люди сильно полюбили другъ друга, всякій вечеръ видѣлись „или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ тѣнію столѣтнихъ дубовъ, осѣнявшихъ глубокій чистый прудъ". Лиза до того увлеклась Эрастомъ, что отказала своему жениху, сыну богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни, а Эрастъ далъ обѣщаніе Лизѣ жениться на ней.

Но счастье Лизы продолжалось не долго. Эрастъ, насытившись ея любовью, сталъ посѣщать ее рѣже и рѣже, и однажды объявилъ ей, что онъ служитъ въ военной службѣ и долженъ ѣхать на войну. Лиза повѣрила, и Эрастъ уѣхалъ.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ; Лиза пошла въ Москву купить розовой воды — лѣчить глаза матери. На одной улицѣ вдругъ она увидѣла Эраста въ каретѣ, бросилась за нимъ и прибѣжала въ его домъ; но Эрастъ принялъ ее холодно; объявилъ, что онъ скоро женится на другой. Онъ, дѣйствительно, былъ на войнѣ, но, вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе, и, чтобы заплатить свои долги, онъ вздумалъ жениться на богатой вдовѣ.

Онъ далъ Лизѣ сто рублей и выпроводилъ изъ своего дома Лиза очутилась на улицѣ въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Съ ней произошелъ обморокъ. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, увидѣвъ ее лежащею на землѣ, привела ее въ чувство. Лиза вышла изъ города и вдругъ увидѣла себя на берегу того глубокаго пруда и подъ тѣнію тѣхъ древнихъ дубовъ, которые такъ еще недавно были безмолвными свидѣтелями ея счастія.

Встрѣтивъ свою подругу Анюту, она попросила ее отнести матери данные ей Эрастомъ сто рублей, а сама бросилась въ прудъ и утонула.

Мать, узнавъ о смерти Лизы, умерла; Эрастъ также былъ несчастенъ; совѣсть не давала ему покоя за то, что онъ сдѣлался убійцей Лизы.

„Сердце мое обливается кровію въ сію минуту,—говоритъ авторъ. — Я забываю человѣка въ Эрастѣ—готовъ проклинать его; но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?“

Горячая симпатія, съ какою авторъ изобразилъ эту исторію „Бѣдной Лизы“, нѣжный, чувствительный колоритъ, разлитый по всей повѣсти, и, наконецъ, прекрасныя описанія окрестностей Москвы и Симонова монастыря, невообразимо трогали читателей и сдѣлали эту небольшую и простую повѣсть знаменито-исторической.

Окрестности Симонова монастыря долго были любимымъ мѣстомъ гуляній; прудъ, въ которомъ утопилась Лиза, стали называть „Лизинымъ“ прудомъ; всѣ деревья по берегамъ его были испещрены начальными буквами ея имени, которыя вырѣзывали гуляющіе.

Въ исторіи литературы „Бѣдная Лиза“ имѣетъ значеніе какъ *первая повѣсть, сюжетъ которой взятъ изъ простого и притомъ русскаго быта, хотя этотъ простой бытъ изображенъ далеко не такъ просто и не въ русскомъ духѣ, а въ стилѣ западныхъ сентиментальныхъ повѣстей и романовъ.*

Лиза и мать ея представлены съ воззрѣніями и чувствами героевъ и героинь этихъ повѣстей, а не съ такими, какія свойственны простымъ русскимъ крестьянамъ.

Съ настоящей точки зрѣнія эта невѣрность дѣйствительности составляетъ ничѣмъ непоправимый недостатокъ; но тогда на поэтическій вымыселъ смотрѣли иначе. Поэтическую творческую фантазію, какъ источникъ этихъ вымысловъ, самъ Карамзинъ называлъ богиней лжи и призраковъ.

„*Наталья, боярская дочь*“. „Въ престольномъ градѣ славнаго русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ боярин Матвѣй Андреевъ, человѣкъ богатый, умный, вѣрный слуга царскій, и, по обычаю русскихъ, великій хлѣбосолъ. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правый глазъ

никогда царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ на помощь боярина Матвѣя, и бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: „сей правъ (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году), но по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и совѣстью царскою".

Въ каждый дванадесятый праздникъ онъ приготовлялъ длинные столы въ своихъ горницахъ, покрытые чистыми скатертями, уставленные чашами и блюдами съ разными кушаньями. Сидя на лавкѣ, подлѣ высокихъ воротъ, онъ звалъ къ себѣ обѣдать мимо ходящихъ бѣдныхъ людей, сколько могло помѣститься въ его боярскомъ жилищѣ. Ласково бесѣдуя съ гостями, онъ узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги и веселился съ ними, какъ съ друзьями. Любовь народная и милость царская были наградою добраго боярина. Но вѣнцомъ его счастья и радости была его единственная дочь, красавица Наталья.

Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ прекраснѣе розы; много было красавицъ въ Москвѣ, но никакая красавица не могла сравняться съ Натальей. Довольно сказать, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество предъ своими дочерьми.

Далѣе авторъ описываетъ душевныя и тѣлесныя качества древне-русской боярской дочери и то, въ чемъ она проводила время свое зимой и лѣтомъ „отъ всхода до заката краснаго солнца".

Проснувшись на восходѣ солнца и перекрестившись, она тотчасъ вставала и начинала собираться „къ обѣднѣ"; только одна жестокая вьюга зимою, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли удержать древне-русскую дѣвицу отъ исполненія этой обязанности. Становясь всегда въ уголкѣ трапезы, Наталья молилась Богу съ усердіемъ, но въ то же время исподлобья посматривала направо и налѣво. Встарину не было ни клубовъ ни маскарадовъ, говоритъ авторъ, куда нынѣ ѣздятъ себя казать и другихъ смотрѣть; итакъ, гдѣ же, какъ не въ церкви, любопытная дѣвушка могла поглядѣть тогда на людей?

Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ БИБЛІОТЕКА

Послѣ обѣдни Наталья всегда раздавала нѣсколько копеекъ бѣднымъ людямъ. Возвратившись отъ обѣдни, она садилась шить въ пяльцахъ, или плести кружево, сучить шелкъ, низать ожерелье. Послѣ сытнаго обѣда бояринъ Матвѣй ложился отдыхать, а дочь свою отпускалъ съ мамой гулять въ садъ или на большой зеленый лугъ у „красныхъ воротъ“. Вечеромъ къ Натальѣ собирались молодыя подруги; въ ихъ кружокъ приходилъ иногда побесѣдовать и самъ бояринъ и разсказывалъ имъ „приключенія благочестиваго князя Владимира и могучихъ богатырей россійскихъ“.

Зимой Наталья каталась въ саняхъ по городу и ѣздила къ подругамъ „на вечеринки“, гдѣ играли въ жмурки, прятались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзвились, „не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ“.

Такъ жила Наталья до 17 лѣтъ. Однажды, по обыкновенію, она была у обѣдни и встрѣтила здѣсь одного прекраснаго молодого человѣка, который произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе. Ей представилось, что любезный призракъ, который ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе, былъ не что иное, какъ образъ сего молодого человѣка. Въ свою очередь и Наталья понравилась молодому человѣку.

На другой день Наталья пришла къ обѣднѣ ранѣе всѣхъ и всѣхъ позже вышла изъ церкви; но молодого чнловѣка не было; то же повторилось на третій день, и только на четвертый день они опять увидѣлись.

Спустя нѣсколько времени, когда боярина Матвѣя не было дома, няня ввела молодого человѣка въ теремъ; онъ бросился къ ногамъ Натальи и объявилъ ей, что онъ уже давно влюбленъ въ нее. Наталья также призналась ему въ своей любви. Не надѣясь, что бояринъ Матвѣй согласится на ихъ бракъ, онъ уговорилъ Наталью тайно уѣхать съ нимъ и повѣнчаться. Въ ту же ночь онъ увезъ ее вмѣстѣ съ няней. На пути они остановились въ одной деревянной церкви, гдѣ дожидался ихъ одинъ старый священникъ и обвѣнчалъ ихъ.

Послѣ вѣнца они продолжали путь и пріѣхали въ дремучій лѣсъ. Навстрѣчу имъ вдругъ вышло нѣсколько человѣкъ съ зажженными пуками соломы и съ кинжалами. Няня подумала, что они находятся въ рукахъ разбойниковъ; но оказалось, что это люди молодого мужа.

Его звали Алексѣемъ Любославскимъ. Онъ былъ сынъ

одного опальнаго боярина Любославскаго, который, по ложному подозрѣнію, былъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ государя и, чтобы спасти свою жизнь, бѣжалъ изъ Москвы со своимъ 12-лѣтнимъ сыномъ Алексѣемъ и скрылся на берегахъ Волги, въ той странѣ, гдѣ въ эту рѣку вливается Свіяга (значитъ, въ странѣ Казанской).

Проживъ здѣсь около 10 лѣтъ, онъ умеръ, поручивъ предъ смертью сына своего одному другу своему въ Москвѣ, который построилъ для его убѣжища уединенный домикъ въ 40 верстахъ, въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, но самъ тоже вскорѣ послѣ этого умеръ. Алексѣй переселился въ этотъ домикъ уже послѣ его смерти. Это и было то мѣсто, куда онъ привезъ Наталью. Молодые люди устроились хорошо; но Наталья не могла забыть оставленнаго ею отца и постоянно сокрушалась, а Алексѣя тяготила царская опала, вслѣдствіе которой онъ не могъ нигдѣ показаться. Онъ придумывалъ способы испросить прощеніе у боярина Матвѣя и заслужить милость государя.

Этому помогъ слѣдующій случай.

На Московское царство напали литовцы. Алексѣй вздумалъ отправиться на войну, чтобы подвигами своими обратить на себя вниманіе; но Наталья никакъ не хотѣла разстаться съ нимъ и рѣшилась сама отправиться на войну: „дай мнѣ только, — сказала она, — мечъ острый и копье булатное, шишакъ, панцырь и щитъ желѣзный, увидишь, что я не хуже мужчины“.

Алексѣй выбралъ для нея самое легкое оружіе, нарядилъ ее въ панцырь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колецъ (на которомъ было написано: „съ нами Богъ,—никто же на ны“), вооружилъ своихъ людей, надѣлъ латы своего отца и съ Натальей отправился на войну. На войнѣ Алексѣй и Наталья такъ отличились своею храбростію, что обратили на себя всеобщее вниманіе. Донося о побѣдѣ, военачальникъ писалъ царю: „Мы не можемъ по достоинству восхвалить того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и который гналъ, разилъ непріятелей и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасный отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя, государь“.

Государь потребовалъ ихъ къ себѣ и спросилъ, кто они

такіе, и когда они объявили себя, то простилъ Алексѣя и уговорилъ и боярина Матвѣя простить Наталью и благославить ихъ на супружескую жизнь. И потомъ они жили счастливо до глубокой старости.

Повѣсть написана Карамзинымъ въ 1792 г., когда авторъ уже началъ изучать русскую исторію и хотѣлъ воскресить предъ русскимъ обществомъ древне-русскую жизнь. „Кто изъ насъ,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ повѣсти,— не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т.-е. говорили, какъ думали".

Онъ относится къ древне-русской жизни съ глубокимъ сочувствіемъ и старается выставить всѣ лучшія ея стороны иногда въ укоръ современной жизни. Говоря о добротѣ, честности и правдивости боярина Матвѣя, о его покровительствѣ и заступничествѣ за своихъ бѣдныхъ сосѣдей, онъ прибавляетъ: „чему въ наши просвѣщенныя времена, можетъ-быть, не всякій повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостью"; говоря о качествахъ его дочери Натальи, онъ замѣчаетъ, что „она имѣла свои свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя русскіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи ни Руссова Эмиля".

Въ боярынѣ представленъ типъ именитаго и богатаго боярина, въ Натальѣ типъ древне-русской боярышни; но черты этихъ типовъ слишкомъ общи и слишкомъ идеализированы, изображены безъ всякихъ тѣней тогдашней дѣйствительности, безъ исторической обстановки; въ характерѣ Натальи авторъ даже отступаетъ отъ исторіи, выводя Наталью изъ замкнутой свѣтлицы или терема на войну, въ военный станъ, съ рыцарскимъ пошибомъ, героиней въ родѣ какой-нибудь Жанны д'Аркъ, для чего примѣровъ древняя исторія русская не представляетъ.

А. Порфирьевъ.

Патріотическая пропаганда Карамзина.

(„О любви къ отечеству и народной гордости“. — Не сатира, а убѣжденія и доказательства.—Искусство и патріотизмъ. — „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“).

Патріотическія стремленія Карамзина въ нашей литературѣ сильнѣе стали выражаться въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда онъ получилъ возможность свободнѣе высказываться, разсматривая современное положеніе русскаго общества.

Убѣжденный, что *патріотизмъ составляетъ могучую силу*, которая *двигаетъ впередъ общество и безъ которой невозможно и быстрое развитіе просвѣщенія* въ массѣ, Карамзинъ въ то же время замѣтилъ, что эта сила пока еще дремлетъ въ русскомъ обществѣ: нужно было какъ-нибудь пробудить ее.

Статья его *„О любви къ отечеству и народной гордости“* есть не что иное, какъ *очень ловкій намекъ* на то, чего намъ недостаетъ и о чемъ мы прежде всего должны позаботиться, чтобы стать на ряду съ провѣщенными народами.

Не сатирою вооружился писатель, *а убѣжденіями и доказательствами*, которыя не могли оскорбить ничьего самолюбія. Въ формѣ простого разсужденія онъ осторожно высказываетъ очень горькую истину, что *мы не отличаемся патріотизмомъ*, и что этотъ недостатокъ составляетъ главное препятствіе для нашего дальнѣйшаго развитія.

Первыя двѣ части его разсужденія какъ-бы ловкое приготовленіе читателя къ третьей.

Авторъ не хочетъ сразу поразить обвиненіемъ, что въ русскомъ обществѣ нѣтъ патріотизма. Для этого онъ разсматриваетъ вообще проявленіе любви къ отечеству, раздѣляя ее на *физическую, нравственную и политическую*.

Онъ доказываетъ, что двѣ первыя есть у всѣхъ народовъ, слѣдственно, и русскіе не могутъ быть лишены ея, такъ какъ она есть дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка; но патріотизмъ или политическая любовь вытекаетъ изъ *разсужденія*, потому и не во всѣхъ людяхъ проявляется она.

„Я не смѣю думать, за этимъ очень осторожно замѣчаетъ онъ, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но *мнѣ кажется*, что мы *излишне смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ; а смиреніе въ политикѣ вредно:

кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ".

Приведя эти слова въ связь съ предыдущими и послѣдующими, мы должны убѣдиться, что они равносильны выраженію: *мы еще не возвысились до патріотизма, который требуетъ разсужденія*, а его имѣютъ не всѣ люди; къ этимъ неимущимъ намъ слѣдуетъ отнести и себя.

Но на этомъ обвиненіи авторъ не останавливается, онъ переходитъ къ тому разсужденію, котораго требуетъ патріотизмъ и которымъ какъ бы хочетъ пробудить его въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ.

Выставляя положеніе что *русскій долженъ знать цѣну свою*, путемъ историческимъ онъ доказываетъ, что мы *смѣло можемъ стать на ряду съ другими, сказать ясно имя свое и повторить его съ благородною гордостью.*

Онъ *указываетъ на главные моменты нашей исторической жизни*, гдѣ выказалась сила русскаго духа, и дойдя до восемнадцатаго вѣка, останавливается на *недостаткахъ, которые мѣшали развитію патріотизма*; во-первыхъ наши молодые дворяне, *учась, не доучиваются*, и потому не могутъ посвящать себя наукамъ; во-вторыхъ, мы не чувствуемъ цѣны собственнаго и потому относимся безъ должнаго вниманія къ добросовѣстному труду своихъ соотечественниковъ, отчего и на такой трудъ вызываются немногіе: *а русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ.*

„Расположеніе души моей, замѣчаетъ онъ, славу Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу, но я осмѣливаюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу; того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ?"

Далѣе Карамзинъ указываетъ *на пренебреженіе, съ какимъ образованное общество относится къ русскому языку*, несмотря на его *выразительность, богатство, простоту* и *гармонію.*

„Бѣда наша, прибавляетъ онъ, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обрабатываніемъ собственнаго языка".

Для нравственнаго существованія человѣкъ долженъ быть *самъ собою.*

А этого-то авторъ и не находитъ въ русскомъ обществѣ. „Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться, но *горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ*“.

Для возбужденія патріотизма Карамзинъ ищетъ средства въ искусствахъ, на которыя и указываетъ въ статьѣ *„О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“*.

„Должно пріучить россіянъ, говоритъ онъ, къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновенія артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце; не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ, и ваятель бываютъ *органами патріотизма*... Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества; во всѣхъ обширныхъ странахъ россійскихъ *надобно питать любовь къ отечеству и чувство народное*. Мысль, что въ русскомъ, отдаленномъ отъ столицы, городѣ дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надписи и говорить о дѣлахъ предковъ, *радуетъ мое сердце*. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи *съ новыми поколѣніями*. Повторимъ *истину несомнительную*: въ девятомъ надесять вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть *великимъ и почтеннымъ*, который благородными *искусствами*, *литературою и науками* способствуетъ успѣхамъ *человѣчества* въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства“. Вотъ какого рода патріотизмъ горѣлъ въ душѣ Карамзина и побуждалъ его на трудъ.

Съ такимъ патріотическимъ настроеніемъ, съ желаніемъ пробудить его и въ другихъ Карамзинъ разсматриваетъ каждое новое явленіе въ русской жизни. Онъ не находитъ достаточнаго умственнаго и нравственаго развитія въ русскомъ обществѣ и останавливается *на тѣхъ мѣрахъ правительства Александра I*, которыя сколько-нибудь способствовали такому развитію. *Въ каждомъ своемъ разсужденіи онъ разсматриваетъ, возможно ли оно при существующихъ условіяхъ жизни, и нерѣдко находитъ въ нихъ задерживающую силу*. Но чуждый сатирическаго настроенія, онъ старается дѣйствовать противъ нея убѣжденіями.

Онъ даетъ совѣты не только обществу, *но и правительству* и всегда съ одною цѣлью — *расширить путь къ просвѣщенію*, а съ нимъ *и къ общественному благосостоянію.*

Возьмемъ для примѣра его статью *„Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“.*

Въ ней мы уже не видимъ той боязни за науку, какая высказывалась въ прежнихъ его статьяхъ. Онъ указываетъ на хорошій исходъ французской революціи, которая не погубила науки, какъ сначала думали, а установила болѣе правильныя отношенія между европейскими народами и правительствами. Послѣднія чувствуютъ важность своего союза съ лучшими умами, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленіе; вездѣ обѣщаютъ *наукамъ покровительство;* вездѣ начальства желаютъ способствовать успѣхамъ *воспитанія и просвѣщенія,* которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и *самой благородной нравственности,* которое образуетъ *мудрыхъ* министровъ, *достойныхъ* орудія *правосудія, сыновъ отечества,* въ семействахъ рождая *чувство патріотизма, чести* народной гордости, и безъ котораго люди служатъ только одному идолу, подлой корысти.

Такимъ образомъ Карамзинъ вездѣ ловитъ случай, чтобы высказать свои завѣтныя идеи. Показавъ какъ революція расчистила путь наукамъ и просвѣщенію, онъ останавливается на Россіи и находитъ, что и она подвинулась впередъ, благодаря не только своей силѣ матеріальной, но и нравственной — распространяющемуся просвѣщенію.

Слѣдуя обыкновенной своей манерѣ представить сперва лучшую сторону, хотя бы даже и въ преувеличенномъ, идеальномъ видѣ, чтобы ею смягчить осужденіе недостатковъ, Карамзинъ переходитъ къ указанію ихъ, обращаясь къ правительству и къ обществу.

Переходомъ служитъ ему опять мысль о патріотизмѣ: *„Патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ,* говоритъ онъ, любовь къ отечеству есть *дѣйствіе яснаго разсудка,* а не слѣпая страсть“.

Наше отечество нуждается еще очень во многомъ, на что долженъ указывать патріотизмъ.

Намъ нужно полное методическое собраніе гражданскихъ законовъ, *ясно и мудро написанныхъ...*

Тогда законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ россіянъ и *войдетъ въ систему общаго воспитанія.*

Отсюда авторъ дѣлаетъ переходъ къ воспитанію и находитъ, что оно не развиваетъ у насъ характеровъ: молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли *рѣдкое* явленіе?

При этомъ онъ разсматриваетъ, возможно ли разумное воспитаніе въ настоящихъ условіяхъ жизни, когда еще ни въ комъ не видно не только сознанія счастія заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, но и сознанія долга гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества.

При дурномъ воспитаніи дѣтей, происходящемъ отъ малой любви жить дома, является и дурное хозяйство, т.-е неумѣнье соображать расходы съ доходами — вотъ еще важный недостатокъ русскаго общества.

Доказавъ *вредъ безразсудной роскоши* для государства и нравовъ, чѣмъ отличались всѣ прежнія царствованія, съ цѣлью удивить иностранцевъ, дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи, Карамзинъ прибавляетъ иронически: усердные любители отечественной славы, Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, она требуетъ отъ васъ одной *разсудительности, однѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей*, требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а *порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ*: вотъ дѣйствіе *истиннаго просвѣщенія*.

Въ заключеніе, приглашая всѣхъ русскихъ честно служить отечеству, Карамзинъ выясняетъ *идею службы отечеству, значительно расширяя ея значеніе*. Смѣшивая отечество съ государствомъ, тогда подъ именемъ службы отечеству считали только государственную службу.

Карамзинъ своимъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что *можно честно и съ большею пользою служить отечеству и внѣ государственной сферы*.

Здѣсь онъ говоритъ: „не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству — въ сферѣ воспитанія, въ сферѣ науки, искусства, благотворенія“.

Все это онъ называетъ добрыми желаніями и *патріотическими* надеждами, которыя въ его время должны перестать быть только несбыточными мечтами.

Не одни только правительственныя распоряженія вызываютъ Карамзина къ анализу условій общественнаго состоя-

нія; иногда онъ затрогиваетъ и другіе вопросы, касающіеся разнообразныхъ явленій русской жизни, — вопросы, надъ которыми еще никто до него не задумывался; всѣ они возникали изъ патріотическихъ стремленій нашего писателя.

„Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“, напримѣръ, спрашиваетъ онъ себя, и отвѣчаетъ на это статьею, въ которой опредѣляетъ условія, необходимыя для развитія таланта писателя, и потомъ разсматриваетъ, можно-ли ихъ найти въ русской общественной жизни.

Отсюда выводъ тотъ, что если въ Россіи еще мало выказалось такихъ талантовъ, то не по бездарности русскихъ, не потому, чтобы среди нихъ не родились таланты, а единственно *только по неблагопріятнымъ условіямъ для ихъ развитія*; а между тѣмъ они своими трудами приносятъ огромную пользу отечеству: авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*, а *образцы благороднаго русскаго краснорѣчія* едва ли *не полезнѣе* самыхъ классовъ *латинской элоквенціи*, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія: оно, избирая для себя *патріотическіе* и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать *любовь къ отечеству*.

В. Стоюнинъ.

Патріотическое чувство и нравственныя идеи, какъ духъ „Исторіи“ Карамзина.

„Исторія“ Карамзина есть не что иное, какъ *продолженіе тѣхъ же самыхъ стремленій его возбудить патріотизмъ въ русскомъ обществѣ* и вызвать его къ разумной дѣятельности.

Испытавъ для этого разныя литературныя средства, наконецъ онъ останавливается на одномъ, которое, по его взгляду, было самымъ сильнымъ и дѣйствительнымъ.

Уже въ разсужденіи о народной гордости онъ употребляетъ это средство, доказывая, что русскіе не должны стыдиться своего народнаго имени; но тамъ онъ слегка касается только самыхъ главныхъ моментовъ изъ русской исторіи; теперь же онъ задумалъ прослѣдить ее во всѣхъ подробностяхъ, положивъ въ основаніи все ту же идею.

Здѣсь, слѣдовательно, нѣтъ рѣзкаго перехода отъ одной дѣятельности къ другой, какъ многимъ кажется; напротивъ,

здѣсь одна естественно и необходимо вытекаетъ изъ другой; здѣсь Карамзинъ не измѣняетъ ни своихъ взглядовъ, ни своихъ стремленій, ни симпатій, а только изъ многихъ средствъ выбираетъ самое трудное, но зато и самое дѣйствительное для достиженія той цѣли, къ которой постоянно и уже давно стремился.

Чтобы вывести направленіе историка патріота и опредѣлить его историко-литературные пріемы, лучше всего сравнивать его разсказы съ тѣми источниками, изъ которыхъ они заимствованы.

При этомъ тотчасъ выясняется, какія соображенія явились у историка, что своего вносилъ онъ въ разсказъ и изъ какихъ побужденій.

Для примѣра возьмемъ разсказы его объ Олегѣ и Ольгѣ и сравнимъ съ лѣтописными разсказами, которыми онъ пользовался.

Въ лѣтописи: Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чудь, Словени, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужь свой.

У Карамзина: Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ и надежда обогатиться, *безъ сомнѣнія*, привлекли многихъ варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая *славолюбіемъ героевъ*, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери и въ 882 году пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ. Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, *кажется*, безъ сопротивленія, чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу.

Сравненіе показываетъ, какъ въ своемъ разсказѣ Карамзинъ распространилъ нѣсколько слова лѣтописи.

Это распространеніе есть не что иное, какъ отвѣты на слѣдующіе вопросы историка, вызванные лѣтописными извѣстіями: по какому поводу снова могли явиться варяги, какъ должны были ихъ встрѣчать русскіе князья? Что побудило Олега предпринять враждебныя дѣйствія противъ Смоленска? Отчего въ лѣтописи не приведено никакихъ подробностей о взятіи этого города?

На все это нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописи, а между тѣмъ историкъ считаетъ своею обязанностью указывать на причины дѣйствія, равно какъ и на ихъ слѣдствія.

Не находя отвѣтовъ въ историческихъ источникахъ, онъ прибѣгаетъ къ собственнымъ соображеніямъ и выводамъ, ко-

торые вмѣсто дѣйствительныхъ фактовъ и служатъ ему поясненіемъ или даже обращаются для него въ факты; отсюда и являются у него выраженія: *безъ сомнѣнія*, *кажется*, и имъ подобныя.

Фраза, *пылая славолюбіемъ героевъ*, также обращаетъ на себя вниманіе, потому что вытекаетъ *изъ патріотическаго взгляда Карамзина на исторію*: она должна быть *нашею учительницею*, представлять намъ примѣры всякихъ доблестей и возбуждать въ насъ патріотизмъ, слѣдовательно, и историческія лица должны представляться насколько возможно *идеально*, они должны являться въ нашихъ глазахъ *героями*, достойными, если не нашего подражанія, то нашей патріотической гордости.

Въ самомъ началѣ разсказа объ Олегѣ авторъ представляетъ общія черты его, какъ выводъ изъ всей его жизни: „сей опекунъ Игоревъ скоро прославился *великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовью подданныхъ*. Дальнѣйшее изложеніе автора есть только доказательства его выводовъ. Смоленскій походъ Олега объясняется какъ слѣдствіе славолюбія *героя*, который впрочемъ взялъ городъ безъ всякаго героизма. Лѣтопись молчитъ объ его сопротивленіи, значитъ его и не было, а не могло быть потому, что въ войскѣ Олега служили единоплеменники вольныхъ кривичей. На все это можно сказать одно: быть можетъ такъ, а быть можетъ и нѣтъ, но противъ логической стороны выводовъ возражать очень трудно.

Въ лѣтописи: Оттуда поиде внизъ и взя Любець и посади мужь свой. Придоста къ горамъ кіевскимъ и увѣдѣ Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжита, похорони вои въ лодьяхъ, а другія назади остави, а самъ приденося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Грекы отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ. Аскольдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Аскольду и Дирови: вы нѣсте князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору и погребоша и на горѣ... Сѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ. Бѣша у него варязи и славѣни и прочи прозвашася Русью.

У Карамзина: Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый князь, поручивъ Смоленскъ своему боярину, вступилъ въ область сѣверянъ и взялъ Любечь, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой *державѣ*, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Мало-

россіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ, скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладьяхъ и велѣлъ объявить государямъ кіевскимъ, что варяжскіе купцы, отправленные княземъ Новгородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: вы не князья, не знаменитаго роду, но я князь и, показавъ Игоря, примолвилъ: вотъ сынъ Рюриковъ. Симъ словомъ осужденные на казнь Аскольдъ и Диръ подъ мечами убійцъ пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ. Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ владѣтелей кіевскихъ, но *самое общее варварство ихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго...* Олегъ обагренный кровію невинныхъ князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители, *устрашенные самымъ его злодѣяніемъ* и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего *законнаго государя*. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами—съ греческимъ Херсономъ, съ козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ—*плѣнили* Олега и сей князь сказалъ: да будетъ Кіевъ матерью городовъ *Россійскихъ!* Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди государства, во-первыхъ, для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а во-вторыхъ, и для своей безопасности: Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не бояться ихъ.

Разсказъ здѣсь распространенъ опять отвѣтами на слѣдующіе вопросы историка: по какому поводу Олегъ приступилъ къ Любечу? Почему онъ пошелъ на Кіевъ? Къ чему онъ предпочелъ хитрость военной силѣ, съ которой шелъ на кіевлянъ? Какъ могли кіевскіе князья даться въ обманъ и придти на зовъ Олега? Почему кіевляне не сопротивлялись ему и дали утвердиться въ Кіевѣ? Что заставило Олега сдѣлать Кіевъ своею столицею?

Чтобы отвѣчать на всѣ эти вопросы, Карамзинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ собственнымъ соображеніямъ, въ которыхъ и выражается взглядъ его на исторію.

По его взгляду, русская земля уже въ первое время варяжскихъ князей является *державою, государствомъ—Россіею*. Причину многихъ фактовъ онъ объясняетъ завоевательнымъ характеромъ Олега; указываетъ на явленія, несогласныя

съ понятіями нашего времени и также старается объяснить ихъ.

Но нравственное его чувство сильно возмущается убійствомъ, на которое отважился Олегъ; здѣсь историкъ даже отказывается и оправдывать его, несмотря на видимое расположеніе возвысить этого *героя*; по его взгляду, это такое пятно, котораго нельзя ничѣмъ смыть съ памяти Олега. Даже сами кіевляне устрашены были его *злодѣяніемъ* и не осмѣлились ему сопротивляться. А между тѣмъ лѣтопись о всемъ этомъ разсказываетъ хладнокровно, имѣя въ виду похвалы уму вѣщаго Олега.

Въ лѣтописи: Игореви възрастѣшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу.

У Карамзина: Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года, знаемъ только, что онъ правилъ еще *государствомъ* и въ то время, когда уже *питомецъ его возмужалъ* лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не *дерзалъ требовать* своего наслѣдія отъ правителя властолюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть *законною*, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить *государство*. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, *славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ*. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова... Имя свое приняла она, *кажется*, отъ имени Олега, въ *знакъ дружбы его къ сей достойной княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви*.

Здѣсь взглядъ историка на тогдашнюю русскую землю, какъ на сложившееся государство, и на Олега, какъ на государя, а не какъ на предводителя дружины, вноситъ и современныя ему понятія о престолонаслѣдіи, отчего и является вопросъ: почему Игорь, возмужавъ, не требовалъ своего наслѣдія отъ Олега, который былъ только опекунъ его и, слѣдственно, при совершеннолѣтіи Игоря долженъ былъ уступить княженіе сыну Рюрика? Затѣмъ слѣдуютъ другіе вопросы: чѣмъ Ольга могла прельстить Игоря, и почему ея имя сходно съ именемъ Олега,—вопросы, которые рѣшаются по идеаламъ, современнымъ историку:

Въ лѣтописи: Иде Олегъ на Грекы, Игоря остави въ Кыевѣ; поя же множество Варягъ и славянъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверы, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы, яже суть Толковины: си вси звахуться Великая Скуѳь. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ корабляхъ, и бѣ числомъ кораблій 2.000. И пріиде къ Царюграду, и Греци замкоша судъ, и городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣваетъ изволочити корабля на берегъ и повоева

около города, и много убійство сътвори Грекамъ, и палаты многы разбиша и церькви пожьгоша, а ихъ же имяху полонянины, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина много зла творяху Русь Грекамъ, елико же ратніи творятъ. И повелѣ Олегъ воимъ своимъ колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса, и бывшю покоену вѣтру, успяша прѣ съ поля, и идяшѣ къ городу. Видѣвше же Грецѣ, убоящася и ркоша, выславше ко Ольгови: не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хощеши. И стави Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прія его, бѣ бо устроено съ отравою.

У Карамзина: Олегъ, наскучивъ тишиною, опасною для воинственной *державы*, и завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ имперіею. Всѣ народы ему подвластные: новгородцы, финскіе жители Бѣлоозера... соединились съ варягами подъ его знаменами. Днѣпръ покрылся двумя тысячами легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; конница шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: *правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы.* Надлежало побѣдить не только враговъ, но и природу такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и, наконецъ, искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ: въ IX и X вѣкѣ онѣ долженствовали быть несравненно опаснѣе. Первые варяги кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ *Россіяне* въ семъ плаваніи обыкновенно преодолѣвали трудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля... Мужественный Олегъ приблизился наконецъ къ греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный императоръ Леонъ, прозванный философомъ, думалъ о вычетахъ астрологіи болѣе, нежели о безопасности государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпью гавань и далъ волю Олегу разорять византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные дома вельможъ греческихъ. Несторъ *въ доказательство своего безпристрастія* изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе *Россіянъ*. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнныхъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы германскіе въ областяхъ имперіи; такъ въ сіе же время Норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей вооруженныхъ: тогда она была правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями... Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ стѣнамъ городскимъ; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, но воз-

можное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы: *ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ.*

Вопросъ, по какому поводу Олегъ предпринялъ походъ въ Грецію, потребовалъ со стороны историка особаго соображенія: такъ какъ у Нестора передъ этимъ стоитъ нѣсколько годовъ пустыхъ, то, значитъ, во все это время былъ миръ, но завоевателю миръ скоро можетъ наскучить, а воинственная дружина, безъ войны и въ праздности можетъ быть опасна самому государству своею силою, то это и можно поставить въ причину похода; съ другой стороны, желаніе добычи, извѣстная робость грековъ также могли поднять смѣлаго Олега на имперію.

Исчисливъ по Нестору всѣ племена, съ которыми Олегъ отправился въ походъ, историкъ останавливается на трудностяхъ, какія нужно было преодолѣть нашимъ предкамъ въ дорогѣ, останавливается для того, чтобы еще болѣе возвысить подвигъ своего героя.

Здѣсь онъ пользуется сказаніемъ Константина Багрянороднаго о варяжскихъ народахъ и о переправахъ черезъ днѣпровскіе пороги.

Здѣсь же представляетъ онъ и отвѣтъ на вопросъ: отчего Игорь остался въ Кіевѣ, объясняя это обстоятельство ревностью Олега, который не хотѣлъ дѣлить съ сыномъ Рюрика ни опасностей, ни славы.

Дальше историкъ останавливается на вопросѣ, отчего Олегъ такъ безпрепятственно дошелъ до самой столицы имперіи, и находитъ причину въ суевѣрномъ императорѣ, которому и дѣлаетъ характеристику по Гиббону.

Затѣмъ, повторяя слова Нестора о кровопролитіи и безпощадныхъ убійствахъ Олеговой дружины, Карамзинъ, опять какъ человѣкъ нравственный и чувствительный, возмущается: его патріотизмъ какъ бы страдаетъ отъ безчеловѣчья нашихъ предковъ.

У него даже является вопросъ, отчего Несторъ хотя бы изъ того же патріотизма не смягчилъ эти черныя краски при описаніи жестокости *Россіянъ*, и объясняетъ это только желаніемъ лѣтописца *доказать свое безпристрастіе*, хотя Несторъ очень хладнокровно замѣчаетъ: много зла творяху Русь гре-

камъ, *елико же ратніи творятъ*. Чтобы смягчить впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ жестокостей, Карамзинъ указываетъ на другіе народы этой же эпохи, которые точно такъ же свирѣпствовали въ Западной Европѣ, значитъ, не однихъ русскихъ нужно упрекать въ томъ.

Изъ всего этого дѣлается историкомъ общая характеристика войны того времени въ противоположность съ современными ему понятіями о войнѣ.

Переведя разсказъ лѣтописи о колесахъ, поддѣланныхъ подъ Олеговы суда, историкъ не принимаетъ его за истину и старается найти правдоподобное основаніе этого разсказа, указывая на позднѣйшій приступъ Магомета II къ тому же городу.

Къ извѣстію Нестора, что Олегъ, опасаясь отравы, не принялъ отъ грековъ съѣстныхъ припасовъ и вина, Карамзинъ прибавляетъ свое соображеніе, основанное на общей мысли: храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ—вездѣ выставляются идеальныя черты героя.

Въ лѣтописи: (Послѣ разсказа объ умерщвленіи Игоря): Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнельдъ тоже отецъ Мистишинъ. Рѣша же Древляне: се князя убихомъ Русскаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ...

У Карамзина: Святославъ, сынъ Игоревъ, первый князь славянскаго имени, былъ еще отрокомъ. Бѣдственный конецъ родителя, новость *державы*, только мечомъ основанной и хранимой, бунтъ Древлянъ, безпокойный духъ *войска*, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу, честолюбіе полководцевъ варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и *Россіи* опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость *державы*, и власть государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной. Юный князь воспитывался бояриномъ Асмудомъ; Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга *вѣроятно* съ помощью сихъ двухъ знаменитыхъ мужей овладѣла *кормиломъ государства* и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами. Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь лѣтописецъ сообщаетъ намъ многія подробности, отчасти несогласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію исторіи и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ основаніемъ, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени; но мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ. (Слѣдуетъ разсказъ о мести по лѣтописи)... Не удивляемся жестокости Ольгиной. Вѣра и самые гражданскіе законы язычниковъ оправдывали месть неумолимую: а мы должны судить о *герояхъ*

исторіи по обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли поголовность Древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Каростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, *кажется*, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря; оружіемъ снова покорила свой народъ, наказала виновныхъ гражданъ Каростена и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Здѣсь мы видимъ, историкъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что на княжескомъ мѣстѣ является женщина. Это заставляетъ его взглянуть на тогдашнее положеніе дѣлъ, которое кажется ему очень неблагопріятно для слабой женщины. И несмотря на это, Ольга безпрепятственно стала во главѣ народа.

Не находя другихъ причинъ, историкъ связываетъ такое событіе съ волей Провидѣнія, которое уже предназначило Россіи развиться въ сильное государство, для чего и одарило Ольгу свойствами необыкновенной души.

Здѣсь опять высказывается взглядъ Карамзина на исторію. Свойства необыкновенной души Ольги онъ вывелъ изъ ея дѣлъ, которыя убѣдили его, что они могутъ назваться мудрымъ правленіемъ, и онъ задаетъ себѣ тему—доказать, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Какъ разсказъ его объ Ольгѣ служитъ доказательствомъ тѣхъ свойствъ героя, которыя выставлены въ началѣ, такъ и разсказъ объ Олегѣ имѣетъ въ виду развить выставленную впереди тему.

Лѣтопись молчитъ о томъ, какъ Ольга овладѣла *кормиломъ государства*; историкъ же не хочетъ обойти этого вопроса и отвѣчаетъ на него догадкою: вѣроятно съ помощью двухъ знаменитыхъ мужей—Свѣнельда и Асмуда.

Разсказъ о мщеніи Ольги Карамзинъ не считаетъ вѣроятнымъ, но приводитъ его со всѣми подробностями съ тѣмъ, чтобы потомъ вывести то истинное происшествіе, которое послужило ему основаніемъ, и въ то же время оправдать Ольгину жестокость: „мы должны судить *о герояхъ исторіи* по обычаямъ и нравамъ ихъ времени“.

Точно такъ же онъ отвергаетъ и разсказъ лѣтописи о сватовствѣ византійскаго императора, когда Ольга прибыла въ Константинополь, чтобы принять крещеніе.

Здѣсь онъ пользуется болѣе достовѣрнымъ разсказомъ Константина Багрянороднаго; но въ самомъ началѣ опять его останавливаютъ вопросы, отвѣты на которые онъ могъ найти въ собственномъ соображеніи.

Что навело Ольгу на мысль принять христіанство? Здѣсь историку представляются слѣдующія обстоятельства: 1) Человѣкъ умный рано или поздно можетъ достигнуть той поры, когда удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, увидитъ близкій конецъ ея предъ собою и почувствуетъ суетность земного величія.

Ольга, безспорно, была умная женщина, испытала и земное величіе, дожила и до зрѣлыхъ лѣтъ, слѣдовательно, могла и почувствовать суетность прежней жизни.

2) Въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка лучше всего можетъ служить опорою и утѣшеніемъ истинная, т.-е. христіанская вѣра.

3) Ольга, какъ женщина необыкновенная, могла изъ любопытства въ самомъ Кіевѣ познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, увѣриться въ святости его и плѣниться лучомъ сего новаго свѣта.

Такъ ли это было или нѣтъ, сказать трудно, но Карамзинъ, описывая причины событія, часто принимаетъ вѣроятность за фактъ дѣйствительный, особенно когда хочетъ психологически объяснить явленіе.

Затѣмъ является другой вопросъ: почему же Ольга не крестилась въ Кіевѣ, и слѣдуетъ опять вѣроятность, принятая за дѣйствительность: чтобы почерпнуть христіанское ученіе въ самомъ источникѣ.

Видя русскую княгиню среди византійскаго двора, историкъ одушевляется патріотизмомъ, который и подсказалъ ему выраженіе: императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа *знаменитаго*.

Но съ этимъ эпитетомъ, приданнымъ русскому народу, никакъ не согласуется описаніе пріема, сдѣланнаго самимъ хозяиномъ: въ храминѣ Юстиніана императрица кушала на тронѣ, а княгиня народа знаменитаго должна была стоять до тѣхъ поръ, пока не указали ей мѣсто съ *придворными госпожами*. Патріотъ-историкъ самъ замѣтилъ это противорѣчіе и оправдываетъ Ольгу тѣмъ, что она стояла *въ знакъ почтенія* къ супругѣ великаго царя, слѣдовательно, по собственной волѣ.

Скудные подарки, поднесенные княгинѣ и ея свитѣ, также не согласны съ значеніемъ княгини народа *знаменитаго*.

Историкъ замѣтилъ и это, и опять старается объяснить противорѣчіе въ пользу Ольги: „хотя тогдашніе *Государи россійскіе* не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными, но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила великую княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ“.

Впрочемъ далѣе Карамзинъ замѣчаетъ: „кажется, что она вообще была недовольна пріемомъ“, а это заставляетъ усомниться въ томъ, что греки смотрѣли на нее, какъ на княгиню народа *знаменитаго*.

Такимъ образомъ и въ исторіи Карамзинъ является передъ нами прежде всего *патріотомъ* и *нравственнымъ человѣкомъ*, почему и трудъ его для насъ не просто ученый трудъ, но и патріотическій.

Пусть патріотизмъ иногда мѣшаетъ ему проще и вѣрнѣе посмотрѣть на дѣло, зато онъ вдохновляетъ историка, дѣлаетъ его художникомъ, и вмѣсто сухого разсказа является живое изображеніе событій и лицъ; имъ Карамзинъ возбуждалъ въ читателяхъ патріотическое чувство и, слѣдовательно, достигалъ своей цѣли.

Вотъ какое значеніе имѣетъ для насъ его исторія, и оно не ослабится отъ критики, которая справедливо указываетъ на невѣрное изложеніе нѣкоторыхъ фактовъ или на невѣрный взглядъ на нѣкоторыя эпохи.

Наше уваженіе къ труду отъ этого пострадать не можетъ.

В. Стоюнинъ.

Реформа литературнаго языка Карамзинымъ.

Реформа литературнаго языка состоитъ съ связи въ понятіями о стилѣ, изложенными въ разсужденіи „О пользѣ книгъ церковныхъ“.

Нѣкоторые изъ ближайшихъ послѣдователей Ломоносова, напр., Поповскій и Барсовъ (профессоры Московскаго университета), подражали ему съ тактомъ и знаніемъ, но другіе считали обязанностью наполнять свою рѣчь, кстати и некстати, славянщиной, особенно при изложеніи важной матеріи.

Отсюда произошло такое явленіе: одинъ и тотъ же авторъ, говоря о предметахъ обыкновенныхъ, выражалъ свои мысли и чувства русскимъ языкомъ; но какъ только предметъ выступалъ изъ числа обыкновенныхъ, такъ и стиль становился неестественнымъ, высокопарнымъ.

Вмѣсто русскихъ словъ и выраженій: *пока, до сихъ поръ, тамъ, сказалъ, когда встало солнце...* употреблялись *дондеже, доселѣ, тамо, рекъ, возставшу солнцу...* не потому, чтобы послѣднія сильнѣе и точнѣе выражали мысли автора и его душевное состояніе, а потому что они—славянскія, будто бы сообщающія рѣчи красоту и величіе.

Фонвизинъ въ комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ и письмахъ, и Фонвизинъ въ переводахъ съ французскаго языка на славяно-русскій— *два разныхъ стилиста.*

Даже въ романахъ, при выраженіи чувства любви, встрѣчались слова: *паче, колико* (колико для тебя чувствительно) и т. п.

Эту то славяно-россійскую рѣчь послѣдователей Ломоносова *Карамзинъ называетъ „варварскою“* и ведетъ ея начало отъ переводовъ Елагина и Фонвизина [1]).

Понимая всю неестественность такъ называемаго высокаго стиля этихъ переводовъ, онъ въ своихъ сочиненіяхъ, начиная съ „Писемъ русскаго путешественника“, далъ образцы *новаго слога*, который въ отличіе отъ Ломоносовскаго, получилъ названіе Карамзинскаго.

Въ этой реформѣ литературнаго языка, совершенной Карамзинымъ, надобно различать *двѣ стороны: синтаксическую* (строеніе рѣчи) и *лексическую* (составъ и форму словъ).

Въ первомъ отношеніи, противоположно началамъ Ломоносовскаго синтаксиса, Карамзинъ считалъ необходимымъ писать не длинными періодами, а *короткими, не утомительными предложеніями*, и располагать слова сообразно съ теченіемъ мысли и съ законами языка.

Во второмъ отношеніи онъ *ограничилъ употребленіе славянизмовъ*, т.-е. заимствованіе словъ и оборотовъ изъ церковнославянскаго языка, посредствомъ чего обѣ стихіи нашего литературнаго языка,—русская и славянская, вошли въ болѣе

1) Елагинъ, статсъ-секретарь Екатерины II, переводъ „Похвальное слово Марку Аврелію“ (Тома); Фонвизинъ—то же слово и поэмы „Іосифъ“, Битобе.

опредѣленныя границы; ввелъ *нѣкоторыя иностранныя слова* для обозначенія новыхъ понятій; сообщилъ *прежнимъ словамъ иное значеніе*, напр.: *потребность*, *развитіе* (ума, понятій), *вліяніе* (на разумъ, на душу...), *выработанный* (слогъ) и др.; образовалъ новыя слова (*промышленность*, *достижимая*); оживилъ современную русскую рѣчь словами и выраженіями, взятыми изъ древне-русскихъ произведеній, которыми пользовался при сочиненіи Исторіи.

Такимъ образомъ съ Карамзина *литературный языкъ нашъ вступилъ въ новый періодъ развитія.*

Онъ сблизился съ разговорною рѣчью людей образованныхъ, согласно правилу, лежавшему на основаніи реформы: „пиши такъ, какъ говорятъ (разумѣется, люди образованные), но старайся и говорить такъ какъ пишутъ“ (разумѣется, писатели образцовые); другими словами: сообщи письменной рѣчи качества рѣчи устной — естественность, простоту и живость, но и устную рѣчь возвысь качествами письменной: логической послѣдовательностью и изящной отдѣлкой.

Отличительными признаками этого новаго, Карамзинскаго, слога служатъ: *легкость, простота, плавность, соединенныя съ пріятностью или изяществомъ, удовлетворяющимъ эстетическому вкусу.*

Карамзинъ самъ опредѣлилъ сущность своей реформы, говоря о Кантемирѣ (въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ), онъ дѣлитъ исторію русскаго слога на четыре эпохи: первую ведетъ отъ Кантемира, вторую отъ Ломоносова, третью отъ славянорусскихъ переводовъ Елагина, а четвертую отъ своего времени, въ которое, какъ онъ выразился, „образуется *пріятность* слога, называемая французами élégance“.

А Галаховъ.

Карамзинъ, какъ творецъ эпохи въ исторіи русской литературы.

По мѣрѣ того, какъ цивилизація и просвѣщеніе стали утверждаться на Руси, начала распространяться и литературная образованность.

Вслѣдствіе этого появленіе преобразовательныхъ талантовъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ и направленіе литературы,

стало чаще и обыкновеннѣе, чѣмъ прежде, а новые элементы стали скорѣе входить въ литературу.

Въ то время, какъ Державинъ былъ уже въ апогеѣ своей поэтической славы, оставаясь на одномъ и томъ-же мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ; въ то время, какъ были еще живы Херасковъ, Петровъ, Костровъ, Богдановичь, Княжнинъ, и Фонвизинъ; въ то время, когда еще Крыловъ былъ юношей по 21-му году, Жуковскому было только шесть лѣтъ отъ роду, Батюшкову только два года, а Пушкина еще не было на свѣтѣ,—въ то время одинъ молодой человѣкъ 24 лѣтъ отправился за границу.

Это было въ 1789 году, а молодой человѣкъ этотъ былъ *Карамзинъ*.

Карамзинъ имѣлъ огромное вліяніе на русскую литературу.

Онъ преобразовалъ русскій языкъ, совлекши его съ ходуль латинской конструкціи и тяжелой славянщины и приблизивъ къ живой, естественной, разговорной русской рѣчи.

Своимъ журналомъ, своими статьями о разныхъ предметахъ и повѣстями *онъ распространялъ въ русскомъ обществѣ познанія, образованность, вкусъ и охоту къ чтенію.*

При немъ и вслѣдствіе его вліянія тяжелый педантизмъ и школярство смѣнились *сентиментальностью и свѣтской легкостью*, въ которыхъ много было страннаго, но которыя были важнымъ шагомъ впередъ для литературы и общества.

Повѣсти его ложны въ поэтическомъ отношеніи, но важны по тому обстоятельству, что наклонили вкусъ публики къ роману, какъ изображенію чувствъ, страстей и событій частной и внутренней жизни людей.

Карамзинъ писалъ *и стихи*. Въ нихъ нѣтъ поэзіи, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человѣка, выраженными въ стихотворной формѣ; но они простотой своего содержанія, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификаціи, новыми и болѣе свободными формами расположенія были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи.

Въ стихотвореніяхъ Дмитріева и Карамзина русская поэзія сдѣлала значительный шагъ впередъ *и со стороны направленія, и со стороны формы*; но изъ-подъ риторическаго вліянія далеко еще не освободилась.

Фебы, лиры, гласы, усѣченія, піитическія вольности и болѣе или менѣе прозаическая фактура только ослабились въ ней, но не исчезли; они удержались въ ней по преданію, которое дошло даже и до Пушкина, какъ увидимъ это послѣ. Но важно то, что если поэзія и удержала риторическій характеръ, зато какъ она, такъ и вообще беллетристика русская пріобрѣли новый характеръ вслѣдствіе направленія, даннаго имъ Карамзинымъ и Дмитріевымъ: мы говоримъ *о сентиментальности.*

Не Карамзинъ съ Дмитріевымъ изобрѣли ее; они только привили ее къ русской литературѣ. Она преобладала въ литературѣ и въ нравахъ всей Европы XVII и XVIII вѣка.

Насчетъ сентиментальности много можно сказать смѣшного и забавнаго; но мы хотимъ судить о ней, не потѣшаться ею.

Она—*важное явленіе въ отношеніи къ историческому развитію человѣчества,* процессъ котораго всегда совершается переходами изъ крайности въ крайность. Феодальная дикость и грубость нравовъ Европы среднихъ вѣковъ совершенно исчезли только при Людовикѣ XIV,—представителѣ новаго, противоположнаго эпохѣ рыцарства, времени; но, исчезнувъ, эта феодальная дикость естественно уступила мѣсто изнѣженности чувствъ. Мужчины и женщины исчезли: ихъ замѣнили пастухи и пастушки; поэты вздыхали, охали и ахали; красавицы стонали, какъ горлинки; madame Дезульеръ воспѣвала барашковъ и голубковъ, наивно завидуя ихъ праву любиться открыто, не стыдясь добрыхъ людей. Это вздыхательное и чувствительное направленіе существовало въ Европѣ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ страшныя бури и грозныя волненія политическія, разразившіяся надъ ней въ концѣ прошлаго вѣка, не измѣнили ея характера и нравовъ.

Россія не знала возродившейся Европы до славной для себя эпохи 1814 года, и результаты этого новаго знакомства обнаружились въ ея литературѣ только со времени появленія Пушкина и начала войны романтизма съ классицизмомъ.

До того-же времени наши поэты и литераторы продолжали поклоняться старымъ авторитетамъ: Мерзляковъ критиковалъ съ голоса Лагарпа и переводилъ идилліи madame Дезульеръ; Озеровъ подражалъ Расину; въ Крыловѣ видѣли подражателя Лафонтена; Батюшковъ низкопоклонничалъ передъ какимъ-

нибудь Парни, котораго далеко превосходилъ талантомъ; Жуковскій вполовину шелъ особымъ путемъ, вполовину покорялся вліянію Карамзинской школы. Итакъ, *русская литература познакомилась и сошлась съ европейской сентиментальностью почти въ ту минуту, какъ Европа навсегда разставалась съ своей сентиментальностью.*

Эта встрѣча была *необходима и полезна* для русской литературы и нравовъ ея общества.

Въ Европѣ сантиментальность смѣнила феодальную грубость нравовъ; у насъ она должна была смѣнить остатки грубыхъ нравовъ до-Петровской эпохи.

Это понятно тамъ, гдѣ не только просвѣщеніе и литература, но и общительность, и любовь были нововведеніемъ.

Сентиментальность, какъ раздражительность грубыхъ нервовъ, разслабленныхъ и утонченныхъ образованіемъ, выразила собой моментъ *ощущенія* (sensation) въ русской литературѣ, которая до того времени носила на себѣ характеръ *книжности.*

Смѣшны теперь намъ эти романическія имена: Нина, Каллиста, Леонія, Эмилія, Лилетта, Леонъ, Милонъ, Модестъ, Эрастъ, но въ свое время они имѣли глубокій смыслъ: *въ нихъ выразилась человѣческая наклонность къ романической мечтательности, къ жизни сердцемъ.*

Въ лицѣ Карамзина русское общество обрадовалось, въ первый разъ узнавъ, что у него, этого общества, есть душа и сердце, способныя къ нѣжнымъ движеніямъ. Это называлось тогда *„наслаждаться чувствительностью“*.

Кто могъ плакать въ умиленіи отъ пѣсни Дмитріева „Стонетъ сизый голубочекъ“, тотъ конечно понималъ поэзію лучше того, кто видѣлъ ее только въ торжественныхъ одахъ на разныя иллюминаціи. Поэзія предшествовавшей школы пугала женщинъ, а стихи Дмитріева, Карамзина, Нелединскаго-Мелецкаго женщины знали наизустъ, ими воспитывались цѣлыя поколѣнія. Карамзина читали всѣ грамотные люди, претендовавшіе на образованность; многихъ изъ нихъ только Карамзинъ и могъ заставить приняться за чтеніе книгъ и полюбить это занятіе, какъ пріятное и полезное.

Карамзинымъ началась новая эпоха русской литературы. Преобразованіе языка отнюдь не составляетъ исключительнаго характера этой эпохи, какъ думаютъ многіе. Какъ-бы ни была велика реформа, произведенная кѣмъ-нибудь или сама собой

происшедшая въ языкѣ,—она никогда не можетъ быть фактомъ особенной важности. Языкъ, взятый самъ по себѣ, есть только посредствующій матеріалъ, и его движеніе можетъ быть только формальное. *Но всегда важно движеніе языка вслѣдствіе движенія мысли*: и вотъ гдѣ важность реформы, произведенной Карамзинымъ, и вотъ почему *Карамзину принадлежитъ честь основанія новой эпохи русской литературы.* Карамзинъ ввелъ русскую литературу въ сферу *новыхъ идей*,—и преобразованіе языка было уже необходимымъ слѣдствіемъ этого дѣла.

Загляните въ журналы, въ романы, въ трагедіи и вообще стихотворенія эпохи, предшествовавшей Карамзину: вы увидите въ нихъ какую-то *стоячесть мысли, книжность, педантизмъ и риторику*, отсутствіе всякой живой связи съ жизнью.

Карамзинъ первый на Руси *замѣнилъ мертвый языкъ книги живымъ языкомъ общества.*

До Карамзина у насъ на Руси думали, что книги пишутся и печатаются для однихъ „ученыхъ“, и что неученому почти такъ-же не пристало брать въ руки книгу, какъ профессору танцовать. Оттого содержаніе книгъ, по тогдашнему мнѣнію, должно было быть какъ можно болѣе важнымъ и дѣльнымъ, т.-е. какъ можно болѣе тяжелымъ и скучнымъ, сухимъ и мертвымъ.

Болѣе всѣхъ подходилъ тогда къ идеалу великаго поэта—Херасковъ, потому что былъ тяжелъ и скученъ до невыносимости.

Карамзинъ первый на Руси началъ писать повѣсти, которыя заинтересовали общество и казались пустыми и ничтожными для педантовъ,— повѣсти, въ которыхъ дѣйствовали люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновеннаго повседневнаго быта.

Конечно въ такихъ повѣстяхъ, какъ „Бѣдная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“, „Островъ Борнгольмъ“, „Рыцарь нашего времени“, „Чувствительный и Великодушный“ и проч., никто не будетъ теперь искать творческаго воспроизведенія дѣйствительности, никто не будетъ читать ихъ какъ художественныя произведенія ради эстетическаго наслажденія, никто не будетъ ими восхищаться; но вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ мыслящихъ людей не скажетъ, чтобъ въ повѣстяхъ Карамзина не было своего неотъемлемаго интереса и для нашего времени—*интереса историческаго.*

Чуждыя творчества, онѣ все-таки не чужды таланта, ума, одушевленія, чувства—и въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражается *жизнь сердца*, какъ ее понимали, какъ она существовала для людей того времени.

Что-же касается до художественности,—требовать ея отъ повѣстей Карамзина было-бы несправедливо и странно, сколько потому, что Карамзинъ не былъ поэтомъ и не обнаруживалъ особенныхъ притязаній на талантъ поэтическій, сколько и потому, что *въ его время даже въ Европѣ не существовало романа и повѣсти какъ художественнаго произведенія.*

Карамзинъ создалъ на Руси образованный литературный языкъ, и создалъ потому, что *Карамзинъ былъ первый на Руси образованный литераторъ*, а первымъ образованнымъ литераторомъ сдѣлался онъ потому, что научился у французовъ мыслить и чувствовать, какъ слѣдуетъ образованному человѣку.

„Письма Русскаго Путешественника“, въ которыхъ онъ такъ живо и увлекательно разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Европой, легко и пріятно познакомили съ этой Европой русское общество.

Въ этомъ отношеніи „Письма Русскаго Путешественника“—*произведеніе великое, несмотря на всю поверхность и всю мелкость ихъ содержанія*: ибо великое не всегда только то, что само по себѣ дѣйствительно велико; но иногда и то, что достигаетъ великой цѣли, какимъ-бы то ни было путемъ и средствомъ.

Можно сказать съ увѣренностью, что *именно своей легкости и поверхностности обязаны „Письма Русскаго Путешественника“ своимъ великимъ вліяніемъ на современную имъ публику*: эта публика не была еще готова для интересовъ болѣе важныхъ и болѣе глубокихъ.

Въ своемъ „Московскомъ Журналѣ“, а потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ *Карамзинъ первый далъ русской публикѣ истинно журнальное чтеніе*, гдѣ все соотвѣтствовало одно другому: выборъ пьесъ — ихъ слогу, оригинальныя пьесы — переводнымъ, современность и разнообразіе интересовъ — умѣнію передать ихъ занимательно и живо, и гдѣ были не только образцы легкаго свѣтскаго чтенія, но и образцы литературной критики, и образцы умѣнья слѣдить за современными политическими событіями и передавать ихъ увлекательно.

Вездѣ и во всемъ Карамзинъ является *не только преобразователемъ, но и начинателемъ, творцомъ.*

Сама „Исторія Государства Россійскаго“ — этотъ важнѣйшій трудъ его, есть ничто иное, какъ *начало*, первый основной камень зданія историческаго изученія, историческихъ трудовъ въ Россіи.

„Исторія Государства Россійскаго не есть исторія Россіи: это скорѣе исторія *„Московскаго государства“*, ошибочно принятаго историкомъ за какой-то высшій идеалъ всякаго государства.

Слогъ ея не историческій: это скорѣе слогъ поэмы, писанной мѣрной прозой,—поэмы, типъ которой принадлежитъ XVIII вѣку. Тѣмъ не менѣе *безъ Карамзина русскіе не знали-бы исторіи своего отечества*, ибо не имѣли-бы возможности смотрѣть на нее критически.

Какъ первый опытъ, написанный даровитымъ литераторомъ, „Исторія Государства Россійскаго“—*твореніе великое, котораго достоинство и важность никогда не уничтожатся*: вытѣсненная исторической и философской критикой изъ рода твореній, удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго общества, „Исторія“ Карамзина навсегда останется великимъ памятникомъ въ исторіи русской литературы вообще и въ исторіи литературы русской исторіи.

Дѣятельность Карамзина была по преимуществу дѣятельность литератора, а не поэта, не ученаго. *Онъ создалъ русскую публику*, которой до него не было:—подъ „публикой“ мы разумѣемъ извѣстный кругъ читателей. До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что все немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошія стороны, было ужасно тяжело и *торжественно*, и годилось для однихъ „ученыхъ“, а не для общества. Карамзинъ умѣлъ заохотить русскую публику къ чтенію русскихъ книгъ. *Съ Карамзинымъ кончился Ломоносовскій періодъ русской литературы*, періодъ тяжелаго и высокопарнаго книжнаго направленія, и *весь періодъ отъ Карамзина до Пушкина слѣдуетъ называть Карамзинскимъ.*

В. Г. Бѣлинскій.

Отношеніе Карамзина къ наукѣ.

Чтобы опредѣлить отношеніе Карамзина къ наукѣ, необходимо прочитать его статью *„Нѣчто о наукахъ“*.

Стремленіе Карамзина къ наукѣ и просвѣщенію *соединяется*, какъ и у Ломоносова, *съ патріотическимъ чувствомъ*.

Онъ убѣжденъ, что только одно просвѣщеніе можетъ принести благо обществу и народу, и боится, чтобы враги просвѣщенія, воспользовавшись обстоятельствами, не усилились и не лишили бы народъ этого источника добра и счастія.

А обстоятельства наступили для нихъ самыя благопріятныя — французская революція со своими ужасами напугала всѣ власти и многихъ вооружила противъ науки: они открыто стали враждебно относиться къ ней, какъ къ врагу настоящихъ законныхъ порядковъ и общественнаго спокойствія.

Къ тому же они находили себѣ сильную опору въ доказательствахъ прославленнаго Жанъ-Жака Руссо.

Карамзинъ хотѣлъ лишить ихъ этой опоры и, несмотря на свою особенную любовь къ французскому писателю, рѣшается опровергнуть всѣ его выводы и доказать, что *просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія*“.

Обращеніе его къ властямъ показываетъ, что ихъ опасался онъ въ вопросѣ о распространеніи науки.

„Когда вы, говоритъ онъ, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ...

Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце, слѣдственно, всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки, и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ... Законодатель и другъ человѣчества, ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ *просвѣщеніе*!..

Въ своей статьѣ Карамзинъ доказываетъ слѣдующія положенія: *искусства и науки неразлучны съ существомъ нашимъ*, слѣдовательно, *они необходимы*, они не портятъ нравы, а, напротивъ, улучшаютъ ихъ, *они развиваютъ въ человѣкѣ сознаніе*

истины и добра, заставляютъ его *искать ихъ*, слѣдственно, *соединены съ добродѣтелью*, и потому *нравственны*.

Здѣсь мы замѣчаемъ одну очень важную черту: до сихъ поръ обыкновенно приходилось доказывать, что науки полезны и не противорѣчатъ религіи; Карамзинъ же долженъ былъ еще прибавить доказательство и тому, что онѣ *нравственны*, т.-е. неспособны развращать, а напротивъ, составляютъ важную и крѣпкую опору нравственности.

Припомнимъ, что во второй половинѣ прошедшаго столѣтія у насъ не видѣли тѣсной связи между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ образованіемъ, что въ училищахъ давали наукѣ далеко не первое мѣсто, обращая главное вниманіе на нравственное развитіе.

Карамзинъ хочетъ соединить съ заботами о нравственности *патріотическій взглядъ* Ломоносова на науку; такимъ образомъ приводитъ и то и другое въ тѣсную связь.

В. Стоюнинъ.

„Исторія“ Карамзина съ научной стороны.

„Исторія государства россійскаго“ составляетъ величайшую его славу. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвела она при своемъ появленіи, какъ быстро разошлось первое изданіе, какъ заговорили о ней всѣ и даже тѣ, кто раньше не бралъ въ руки русской книги.

Пушкинъ былъ юношей въ это время; вѣроятно подъ вліяніемъ толковъ либеральной молодежи, которая осталась недовольна „Исторіей“, онъ позволилъ себѣ шутливыя эпиграммы на нее, но, кажется, уже вскорѣ пожалѣлъ о нихъ, и сталъ горячимъ поклонникомъ „Исторіи государства Россійскаго“.

Карамзинъ, по его словамъ, былъ Колумбомъ, который открылъ для русскихъ ихъ прошедшее; „священной памяти“ его онъ посвящаетъ „Бориса Годунова“.

Правда, нашлись критики, которыхъ „Исторія“ не удовлетворяла—кромѣ упомянутыхъ либераловъ молодого поколѣнія, *два-три спеціалиста по русской исторіи*, и нѣсколько позднѣе два-три „скептика“; но въ руководящемъ литературномъ кругу

и въ массѣ общества „Исторія“ была превознесена какъ великій національный памятникъ литературы, и Карамзинъ былъ „святое имя“.

Панегирикъ, почти безусловный, дошелъ до новѣйшаго времени: „Исторія“ есть „египетская пирамида“, „исполинскій трудъ“, она обладаетъ „недосягаемымъ величіемъ“, это—„единственная исторія въ подлинномъ смыслѣ слова, какую только имѣетъ русская земля“ [1]) и т. д.

Соловьевъ, въ давнемъ изслѣдованіи объ историческомъ трудѣ Карамзина [2]), дѣлалъ уже осторожныя указанія о томъ, что *отношеніе Карамзина къ его предшественникамъ было не совсѣмъ таково, какъ думали, что онъ гораздо больше былъ имъ обязанъ.*

Новѣйшее изслѣдованіе указало, что русская *исторіографія до Карамзина вовсе не представляла такого хаоса, какъ обыкновенно полагали, что напротивъ, въ ней сдѣлано было весьма много существеннаго, что не только было приведено въ извѣстность множество источниковъ, но для древнѣйшаго періода они были столько разработаны, что Карамзинъ во многихъ случаяхъ шелъ прямо по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, особливо Шлёцера* [3]).

---

[1]) Выраженія изъ біографіи Погодина. М. 1866 (первый весьма неумѣренный панегирикъ былъ сдѣланъ въ „Историческомъ похвальномъ словѣ Карамзину“. М. 1845), и изъ Бестужева-Рюмина: „Біографія и характеристики“. Спб. 1882; гораздо болѣе умѣренно у Грота: „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“, составленный къ юбилею 1866 („Сборникъ“ Русск. Отд. Акад., т. I).

[2]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1854.

[3]) Г. Милюковъ замѣчаетъ по поводу того, какъ Карамзинъ предлагалъ „свое“ мнѣніе о Нестеровой хронологіи: „... При этомъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ Карамзинъ не упоминаетъ, что эти разсужденія принадлежатъ не ему, а Щлёцеру и Миллеру. Эта черта,—замѣтимъ кстати,—будетъ сопровождать насъ черезъ всю „Исторію государства Россійскаго“. *Карамзинъ почти никогда не называетъ своихъ посредниковъ между собственною работой и сырымъ матеріаломъ*: впечатлѣніе работы, при этомъ умолчаніи, получается, дѣйствительно, грандіозное. „Надлежало сообразить все, написанное греками и римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Амміана Марцеллина; все написанное византійскими историками о славянахъ и другихъ народахъ, которыхъ исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ россійской; такъ описываетъ свой трудъ самъ Карамзинъ Муравьеву. Для шести мѣсяцевъ, дѣйствительно, „трудъ и подвигъ геркулесовскій“, и даже невозможный, еслибы Карамзину пришлось читать подлинники древ-

Въ общемъ построеніи историческаго плана Карамзинъ опять слѣдуетъ предшественникамъ—*Шлёцеру, даже Татищеву, потомъ Щербатову.*

„Карамзинъ, конечно, во многое уже не вѣритъ изъ того, во что вѣритъ Татищевъ. Его уже не могутъ ввести въ заблужденіе московскія историческія легенды. Но, критикуя и устраняя детали, онъ сохраняетъ общее построеніе".

Въ самомъ изложеніи событій есть всѣ основанія думать, что кн. Щербатовъ былъ для Карамзина такимъ же основнымъ источникомъ свѣдѣній, какъ Татищевъ для Болтина. Въ первомъ томѣ „Исторіи" вліяніе Щербатова незамѣтно въ виду богатства спеціальной литературы о началѣ Руси, но оно становится все болѣе видно въ слѣдующихъ томахъ по мѣрѣ оскудѣнія литературы[1]).

„*Вліяніе щербатовской исторіи,*—продолжаетъ г. Милюковъ,—*не ослабѣваетъ до самаго конца „Исторіи государства Россійскаго*". Конечно, Карамзинъ самостоятельно изучаетъ свои источники, но и тутъ *Щербатовъ указываетъ ему, гдѣ, когда и что надо изучать.* Княжескіе договоры и завѣщанія, присоединяющіеся къ лѣтописямъ съ половины XIII-го вѣка, статейные списки посольствъ, присоединяющіеся съ конца XV-го в., иностранцы, начиная съ Плано Карпини и кончая Мартиномъ Беромъ (Буссовымъ),—всѣ эти источники уже разставлены по мѣстамъ и употреблены въ дѣло Щербатовымъ.

нихъ авторовъ и выбирать самому мѣста изъ Corpus scriptorum byzantinorum; еслибы „все написанное греками и римлянами отъ Геродота до Амміана Марцеллина" не было переведено уже у Татищева, а „все написанное византійскими историками о славянахъ и другихъ народахъ" не было извлечено въ Memoriae populorum Штриттера и еще разъ извлечено, для большей доступности, изъ этихъ Memoriae въ четырехъ маленькихъ томикахъ, изданныхъ по-русски".

[1]) Карамзинъ съ самаго начала былъ нерасположенъ къ Татищеву (подчинившись мнѣнію Шлёцера объ Іоакимовской лѣтописи, какъ выдумкѣ Татищева, и не раздѣляя другихъ взглядовъ послѣдняго) и его послѣдователю Болтину. „Хотя Карамзинъ и обѣщаетъ въ одномъ изъ писемъ „не оскорблять памяти" обоихъ, отмѣчая ихъ „грубыя ошибки", но обѣщаніе это врядъ ли можно считать выполненнымъ. Молча поправляя Щербатова, тамъ, гдѣ Болтинъ правъ въ своей критикѣ, Карамзинъ систематически преслѣдуетъ въ своихъ примѣчаніяхъ и Болтина и Татищева, гдѣ только представляется для этого удобный случай. Къ Щербатову, по причинамъ, уважительнымъ по самому существу дѣла, Карамзинъ относится болѣе сочувственно".

Но не только въ указаніяхъ на источники помогаетъ Карамзину Щербатовъ; еще сильнѣе обнаруживается его вліяніе въ самомъ разсказѣ. Часто порядокъ изложенія Щербатова принимается и Карамзинымъ, еще чаще Карамзинъ принимаетъ отдѣльныя толкованія и предположенія Щербатова, его поправки и объясненія какихъ-нибудь генеалогій или недостающихъ событій.

Разумѣется, нерѣдко встрѣчаемъ и поправки Карамзинымъ Щербатова...

Нужно самому сличить страница за страницей эти параллельныя изложенія, чтобы почувствовать, какъ *повсюду, въ началѣ, въ серединѣ, въ концѣ сочиненія, на каждой страницѣ Карамзинъ имѣетъ въ виду Щербатова.*

Видно, что томъ Щербатовской исторіи всегда лежалъ на письменномъ столѣ историографа и давалъ ему постоянно готовую нить для разсказа и тему для разсужденія; и часто Карамзину оставалось только передѣлать ссылку и сдѣлать соотвѣтственную выписку изъ источника. Въ результатѣ пересказа и передѣлки, тяжеловѣсныя, неуклюжія фразы Щербатова превращаются въ блестящіе закругленные и отточенные періоды Карамзина; но очень часто настоящій смыслъ и заднія мысли этихъ красивыхъ періодовъ мы поймемъ только тогда, когда будемъ имѣть передъ глазами параллельное изложеніе Щербатова".

Авторъ приходитъ къ выводу, что *Карамзинъ въ исторической конструкціи своего труда не столько начинаетъ собою новую эпоху русской исторіографіи, сколько заканчиваетъ старую.*

Можно прибавить, что и самая „Записка о древней и новой Россіи" не столько полагала основу дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ отъ отношеніи двухъ историческихъ періодовъ, сколько отражала давнія недоумѣнія о значеніи реформы и давнія предположенія о средствахъ къ благоустройству русской жизни. Связь идей „Записки" съ точкой зрѣнія кн. Щербатова (въ трактатѣ „о поврежденіи нравовъ" и пр.) едва ли подлежитъ спору.

„Исторія государства Россійскаго" произвела впечатлѣніе главнымъ образомъ по своимъ *художественнымъ* достоинствамъ. Масса читателей не могла судить, насколько то или другое въ трудѣ Карамзина было совсѣмъ ново и самостоятельно или было уже подготовлено его предшественниками: старые исто-

рическіе писатели были забыты тѣмъ легче, что не отличались достоинствами изложенія,—тяжелые томы кн. Щербатова, вѣроятно, и въ свое время не имѣли особенно усердныхъ читателей, и тѣмъ менѣе могъ имѣть ихъ Татищевъ, или спеціальные труды Миллера, Шлёцера, Штриттера. Карамзинъ собралъ все это въ связную картину, и она представилась его исключительнымъ созданіемъ. Мы видѣли, что научная оцѣнка „Исторіи“ въ сличеніи съ предшествующимъ періодомъ не была сдѣлана еще до недавняго времени,—понятно, что ея не могло быть въ ту минуту.

Въ первый разъ „Исторія“ явилась въ 1816, въ составѣ восьми первыхъ томовъ, и этотъ трудъ поражалъ своею обширностью и тѣмъ болѣе искусствомъ расположенія, изяществомъ разсказа, возвышеннымъ патріотическимъ тономъ. „Исторіи“ предшествовала давно установившаяся слава автора „Писемъ русскаго путешественника“, которыя еще теперь находили подражателей, и автора повѣстей; въ извѣстномъ кругу придавало значеніе его труду и обстоятельство, что онъ былъ оффиціальнымъ исторіографомъ, что самъ императоръ къ нему былъ расположенъ; наконецъ книга являлась въ то время, когда только-что миновали грозныя событія Наполеоновскихъ войнъ и еще не успокоилось взволнованное патріотическое чувство...

Пушкинъ по своему времени былъ правъ, называя Карамзина Колумбомъ русской исторіи, потому что, дѣйствительно, онъ открывалъ эту исторію массѣ общества. Въ біографіи послѣдующихъ русскихъ писателей мы не однажды встрѣтимся съ „Исторіей“ Карамзина, какъ съ источникомъ умственнаго и патріотическаго возбужденія. Въ литературѣ она оставила свой слѣдъ въ историческомъ романѣ и драмѣ, и, наконецъ, сдѣлалась однимъ изъ основаній извѣстнаго направленія, которое такъ часто выставляло себя единственно патріотическимъ.

Разсматриваемый съ *историко-литературной точки зрѣнія* трудъ Карамзина дѣйствительно скорѣе заканчиваетъ старую эпоху нашей исторіографіи, чѣмъ начинаетъ новую.

Его *взглядъ на историческую работу* былъ *взглядъ художника и патріотическаго моралиста скорѣе, чѣмъ взглядъ изслѣдователя.*

Біографы Карамзина замѣчаютъ, что мысль объ истори-

ческомъ трудѣ могла давно занимать Карамзина, а именно еще съ начала 1790-хъ годовъ, на самомъ дѣлѣ это было скорѣе съ конца того десятилѣтія; но тотъ же взглядъ на историческіе пріемы былъ высказанъ еще въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Онъ писалъ тогда: „Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы... Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ—не очень любопытны, соглашаюсь, но зачѣмъ наполнять ими цѣлые тома? Что̀ не важно, то сократить, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ нашихъ древнихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій — Владиміръ“ и т. д. Этотъ взглядъ въ сущности не измѣнился и послѣ, когда онъ дѣйствительно приступилъ къ своему труду.

Изслѣдуя эти историческіе пріемы Карамзина, тотъ же критикъ замѣчаетъ: „И такъ, *не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художественный пересказъ данныхъ уже извѣстныхъ*,—вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка.

Изъ наличнаго историческаго матеріала—иное сократить, иное раскрасить; выкинуть неблагодарную путаницу событій и остановиться на благодарныхъ эпизодахъ и характерахъ, все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть незанимательной, но что художественное произведеніе на мотивы русской исторіи, составленное по этому рецепту, непремѣнно будетъ занимательно, за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника.

„Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ“,—повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи. — Подъ „бѣднымъ предметомъ“ надо разумѣть здѣсь русскую исторію, а пріятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ—„Исторія государства Россійскаго“. При первомъ приступѣ къ работѣ Карамзинъ спѣшилъ набросать мысли для

будущаго предисловія, гдѣ хотѣлъ указать важность и интересъ исторіи; она должна удовлетворить нашему любопытству о судьбѣ предковъ, должна учить благоразумію, ободрять сравненіемъ; древнія имена могутъ имѣть для насъ прелесть поэзіи; затѣмъ звучныя фразы набросаны по-французски.

„Видно,—говоритъ тотъ же критикъ,—что не мысль важна для Карамзина въ этихъ отрывкахъ, слишкомъ неоконченныхъ, чтобы выражать какую-либо мысль, а образное сравненіе, красиво выраженное. И вотъ, всѣ двѣнадцать лѣтъ, пока исторіографъ пишетъ свои первые восемь томовъ, эти картинныя фразы не выходятъ изъ его головы, пока не укладываются, наконецъ, блистательными рядами въ его знаменитомъ предисловіи. „Я ободрялъ себя мыслью, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно мимо всего близкаго, яснаго—къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость“. Такъ даже изъ скудости матеріала историкъ предлагалъ читателю извлекать эстетическое наслажденіе.

„... *Исторія должна быть занимательна: по соображеніямъ утилитарнымъ, по соображеніямъ эстетическимъ, по соображеніямъ патріотическимъ, какъ бы то ни было, но исторія должна быть занимательна.* Вотъ основная идея, неотвязно преслѣдующая исторіографа. Разумѣется, самъ онъ сдѣлаетъ все возможное и употребитъ всѣ средства для осуществленія этой задачи: сократитъ, раскраситъ, оживитъ патріотизмъ. Не совершивъ еще никакихъ грѣховъ противъ исторической достовѣрности, онъ въ тѣхъ же наброскахъ уже примѣриваетъ позу кающагося грѣшника. „Знаю, намъ нужно безпристрастіе историка: простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству“. И эта мысль, правда, въ болѣе сдержанной формѣ, оживаетъ, какъ извѣстно, въ предисловіи. „Чувство: мы, наше—оживляетъ повѣствованіе... любовь къ отечеству даетъ... кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души“.

По справедливому замѣчанію критика, *это возвращаетъ насъ къ историческимъ пріемамъ Ломоносова, Эмина и пр.* т.-е. къ пріемамъ *псевдо-классической школы*, гдѣ исторія прежде всего, или исключительно, понималась какъ художественное, т.-е. реторически исполненное произведеніе по древнимъ образ-

цамъ. Если къ Тациту Карамзинъ прибавлялъ Юма, Робертсона, Гиббона, это не измѣняло дѣла: основной интересъ оставался тотъ же—занимательность разсказа, гдѣ нужно „раскрашеннаго“, и патріотическое поученіе.

Украшеніе разсказовъ достигалось опять старыми средствами псевдо-классическаго художества, средствами стилистическими, а также сентиментальнымъ тономъ: то и другое могло оживлять разсказъ, но нерѣдко не отвѣчало главному — исторической дѣйствительности. Для красивости разсказа Карамзинъ не однажды отступаетъ, напримѣръ, отъ текстовъ древней лѣтописи и пользуется позднѣйшими источниками, которые самъ признавалъ недостовѣрными, реторическимъ стилемъ сглаживаетъ черты времени, видитъ „нѣжную чувствительность“ въ такіе вѣка, которые ея совсѣмъ не вѣдали, и т. под.

Въ *научномъ отношеніи это была, конечно, ошибка*, потому что терялся историческій колоритъ; ошибкой было и пониманіе россійскаго государства со временъ Рюрика, пониманіе, унаслѣдованное отъ XVIII вѣка. Безъ сомнѣнія, „Исторія“ имѣла свои заслуги, особливо въ той части, какая отнесена въ примѣчанія: онъ далъ много частныхъ объясненій, которыя были вѣрны и новы; кромѣ извѣстныхъ тогда лѣтописей и актовъ онъ воспользовался большимъ количествомъ матеріаловъ архивныхъ, ранѣе неизвѣстныхъ, и нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ сохранились только въ его примѣчаніяхъ, потому что самые памятники утрачены.

Великой заслугой Карамзина было общественное впечатлѣніе „Исторіи“, которое способствовало развитію въ обществѣ историческихъ интересовъ. Это нравственное дѣйствіе, хотя трудно исчислимое, не подлежитъ сомнѣнію; но что касается собственно научной разработки предмета, значеніе „Исторіи“ опредѣляется иначе, нежели казалось современникамъ и ближайшему потомству. „Чѣмъ была эта наука до выступленія Карамзина?—говоритъ упомянутый критикъ.—Нѣсколько знатныхъ любителей, нѣсколько иностранныхъ профессоровъ и нѣсколько учениковъ, отправленныхъ академіей за границу,— вотъ и весь нашъ populus historicorum конца прошлаго столѣтія. Послѣ Карамзина картина какъ бы волшебствомъ измѣняется. Мы видимъ цѣлое ученое сословіе историковъ, оффиціально существующее историческое общество, спеціальный историческій журналъ и массу историческихъ статей въ не-

спеціальныхъ журналахъ, живую работу детальнаго изслѣдованія съ постояннымъ обмѣномъ мыслей, съ письменною и печатною полемикой. На извѣстномъ разстояніи отъ этихъ явленій впечатлѣніе получается такое, какъ будто весь этотъ быстрый расцвѣтъ учености произведенъ Исторіей государства Россійскаго. Немудрено, что именно такой выводъ и сдѣлали панегиристы историографа. За „Исторіей“ Карамзина было, такимъ образомъ, надолго упрочено значеніе эры въ русской исторіографіи“.

„Въ наше время, однако, все болѣе выплываетъ изъ-подъ спуда дѣятельность современниковъ, потонувшая въ лучахъ славы „Исторіи государства Россійскаго“. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится все яснѣе, что то, что̀ казалось причинною связью, есть не болѣе, какъ простое хронологическое совпаденіе. Въ нашей исторической наукѣ, дѣйствительно совершился переворотъ въ эти немногіе годы. Любопытство дилетанта быстро уступило въ ней мѣсто научному интересу изслѣдователя, и задачи, и пріемы изслѣдованія совершенно видоизмѣнились. *Но это быстрое развитіе науки* шло не *черезъ* „Исторію государства Россійскаго“, а *мимо* нея“.

Дѣйствительно, ученыя общества, работы по изученію памятниковъ языка, древностей, начинались независимо отъ Карамзина изъ старыхъ преданій того же XVIII вѣка, а также изъ новыхъ самостоятельныхъ опытовъ исторической критики. Справедливо замѣчено было, что *Карамзинъ имѣлъ своихъ поклонниковъ, но не имѣлъ школы.*

„Исторія“ осталась величественнымъ литературнымъ памятникомъ, а также собраніемъ важнаго матеріала, но не давала руководящихъ идей для дальнѣйшаго развитія исторіографіи. Эти руководящія идеи явились изъ того же источника, на которомъ вообще опиралась русская наука — *изъ западной исторіографіи*, которая научала болѣе глубокому примѣненію исторической критики, которая думала о философской исторіи и вообще указывала первую задачу исторіи не въ повѣствованіи, а въ изслѣдованіи внутренняго процесса исторической жизни.

Дальнѣйшіе опыты и поиски нашихъ историковъ покидали теорію Карамзина, и плодотворность новыхъ изысканій сказалась именно въ томъ, что онѣ направились на раскрытіе внутреннихъ началъ русской жизни.

Художество отступило совсѣмъ на второй планъ, зато началось дѣйствительное объясненіе историческихъ процессовъ. Съ изслѣдованіями Эверса о древнемъ русскомъ правѣ начинается это стремленіе объяснять внутренній ходъ историческаго развитія, и съ сороковыхъ годовъ въ трудахъ Соловьева является новое построеніе русской исторіи, совсѣмъ не похожее на Карамзина и которое по своему плану и пріему не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Въ сороковыхъ годахъ, между „славянофилами“ и „западниками“ иначе, чѣмъ нѣкогда въ Запискѣ Карамзина, поставленъ былъ вопросъ о древней и новой Россіи,—уже не по его взглядамъ, а по новымъ понятіямъ о законахъ національнаго развитія.

А. Н. Пыпинъ.

Главного Управления
БИБЛІОТЕКА
Почтъ и Телеграфовъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вліяніе Шадена на Карамзина. — Булича	1
Западно-европейскія вліянія въ жизни и дѣятельности Карамзина. — А. Веселовскаго	6
Содержаніе и идеи „Писемъ русскаго путешественника". — В. Стоюнина	13
Карамзинскій идеалъ писателя. — В. Стоюнина	17
Историко-философская оцѣнка сентиментализма. — Иванова-Разумника	19
Введеніе Карамзинымъ сентиментализма въ русскую литературу. — А. Галахова	35
„Бѣдная Лиза" и „Наталья, боярская дочь". — А. Порфирьева	38
Патріотическая пропаганда Карамзина. — В. Стоюнина	45
Патріотическое чувство и нравственныя идеи, какъ духъ „Исторіи" Карамзина. — В. Стоюнина	50
Реформа литературнаго языка Карамзинымъ. — А. Галахова	60
Карамзинъ, какъ творецъ эпохи въ исторіи русской литературы. — В. Г. Бѣлинскаго	62
Отношеніе Карамзина къ наукѣ. — В. Стоюнина	69
„Исторія" Карамзина съ научной стороны. — А. Н. Пыпина	70

Главнаго Управленія
БИБЛІОТЕКА
Почтъ и Телеграфовъ

Книгоиздательское Товарищество „ОРО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Итальянская, 27.

ВАРШАВА, Новый Св

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 15 ВЫПУСКОВЪ СЕРІИ

„КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА“:

№ 1.	Ломоносовъ,	его жизнь и творчество.	Цѣна — Р. 40 к.
№ 2.	Державинъ,	„ „ „ „ „	
№ 3.	Карамзинъ,	„ „ „ „ „	— „ 35 „
№ 4.	Жуковскій,	„ „ „ „ „	
№ 5.	Грибоѣдовъ,	„ „ „ „ „	
№ 6.	Пушкинъ,	„ „ „ „ „	
№ 7.	Лермонтовъ,	„ „ „ „ „	
№ 8.	Гоголь,	„ „ „ „ „	
№ 9.	Крыловъ,	„ „ „ „ „	
№ 10.	Тургеневъ,	„ „ „ „ „	
№ 11.	Гончаровъ,	„ „ „ „ „	
№ 12.	Достоевскій,	„ „ „ „ „	
№ 13.	Островскій,	„ „ „ „ „	
№ 14.	Ал. Толстой,	„ „ „ „ „	
№ 15.	Левъ Толстой,	„ „ „ „ „	

Подробный каталогъ Книгоиздательскаго Т-ва „Оросъ“ высылается по первому требованію.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества.

С.-Петербургъ: 1) Гостиный Дворъ, 18. 2) Невскій пр., 13. | **Москва:** 1) Кузнецкій Мостъ, 12. 2) Моховая ул., 22

и у Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ С.-Петербургѣ, 7 Рота, 26.

INFORMATION CONSERVATION, INC

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000006094674